

Варшавские тайны

Автор:

Николай Свечин

Варшавские тайны

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #8

Коллежскому асессору Алексею Лыкову не суждено почивать на лаврах, наслаждаясь уютом родного очага в кругу детей и красавицы-жены. Служба снова призывает его на опасное задание. На сей раз Лыкову предстоит отправиться в Варшаву и расследовать несколько преступлений. Зверски убиты русские офицеры – брошены с распоротыми животами умирать... Всё это власти легко списали бы на обычных уголовников, если бы не упрямство Лыкова, который, рискуя жизнью, сумел раскрыть заговор государственного масштаба!

Николай Свечин

Варшавские тайны

© Свечин Н., текст, 2013

© Асадчева Е., иллюстрации, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Бежать из столицы!

Директор Департамента полиции Дурново вызвал к себе статского советника Цур-Гозена. Тот в очередной раз исполнял за Благово обязанности вице-директора. Павел Афанасьевич сильно сдал и по несколько месяцев в году лечился на германских водах. Сейчас он опять сидел в Бад Вильдунгене и ожидался лишь к сентябрю. Оттуда, из Бад Вильдунгена, и пришла вдруг телеграмма.

– Вот, – Дурново протянул бланк Цур-Гозену. – Рачковский[1 - П.И.Рачковский – руководитель Зарубежной агентуры Департамента полиции. (Здесь и далее примеч. авт.)] извещает о происшествии. Черт! Этого только не хватало! Решили добить человека!

В телеграмме сообщалось о покушении на действительного статского советника Благово, находящегося на излечении в почечной санатории. Неизвестная молодая женщина дважды выстрелила в него из револьвера, когда тот пил в бювете воду. При этом террористка крикнула по-русски: «Смерть палачам-сатрапам!» Затем попыталась убежать, но была схвачена прислугой и теперь сидит в следственной тюрьме. Благово получил легкое ранение в предплечье и тяжелое – в левую сторону груди, возле сердца. Жизнь его в опасности. Доктора не дают гарантии и советуют готовиться к худшему.

– М-да... – сокрушенно вздохнул Цур-Гозен. – Нашли палача-сатрапа, идиоты...

– Для них кто в полиции служит – все сатрапы. Надо Павла Афанасьевича оттуда увозить. Сразу, как врачи разрешат.

- Боитесь, что попробуют повторить?

- Да. В Германии может случиться что угодно. А тут мы его защитим.

- Ну не понимаю я этого! - вскинулся статский советник. - Он же ведет только уголовные дела! И всегда сторонился политики...

- Я только что объяснил, - сухо ответил Дурново. - Скажите лучше, где Лыков.

- Он в Москве, дорасследует связи Шевырева[2 - П. Шевырев — руководитель неудачного покушения на Александра Третьего (террористы арестованы 1 марта 1887 года; 8 мая пятеро из них, включая Александра Ульянова, были казнены).]. Но там сейчас перерыв примерно на неделю, и Алексей просит разрешения вернуться.

- Пусть прямо из Москвы выезжает в Бад Вильдунген. Все изучит и телеграфирует мне шифром подробности. И личность террористки в деталях! Рачковскому поручите выставить возле палаты Павла Афанасьевича круглосуточную охрану. И подготовьте отношение к Гирсу за подписью его сиятельства[3 - Имеется в виду министр внутренних дел граф Д. А. Толстой. Н. К. Гирс — министр иностранных дел.]: пусть попросит содействия германской полиции.

- Слушаюсь!

Через сорок восемь часов Алексей вошел в палату к своему учителю. Тот лежал мертвенно-бледный, с усталыми скучными глазами. Увидев Лыкова, раненый оживился.

- Что так долго, бездельник?

- Ох ты! Если ругаетесь, значит, все не так плохо!

- Вчера пребывал в раздумьях, а нынче утром решил, что еще поживу, - сообщил вице-директор.

- И отлично! А я пока разберусь, кто это вас так.

- Рачковский без тебя уже разобрался. Он ушел отсюда только что. В меня стреляла некая девица Леонтьева, дочь генерал-лейтенанта.

- За что дочке генерала убивать действительного статского советника? Тут нужна разгадка!

- Да за то, что в Департаменте полиции служу, за что же еще?!

- Она идейная? Вроде бы такие давно перевелись.

- А Шевырев с Ульяновым? А поляки? Нет, новая волна пошла. Затишье кончилось. И я...

На этих словах Благово вдруг побледнел еще больше, закрыл глаза и пробормотал, отворачиваясь:

- Ты иди... иди...

Лыков на цыпочках вышел из палаты и первым делом наказал охраннику никуда с поста не отлучаться. Ни на минуту! Потом обратился к сиделке. Та оказалась пожилой немкой, прежде долго жившей в России. Коллежский ассессор вручил ей большую жестянку с дорогим «кожаным» чаем[4 - «Кожаный» чай лучших сортов (в отличие от дешевого «кантонского») ввозили в Россию через Кяхту зашитым в кожаные мешки - отсюда и название.]. Попросил заваривать его больному почаше и сопроводил просьбу золотой пятеркой. Сиделка понимала русский характер и обещала постараться.

Закончив дела в больнице, Лыков отправился искать Рачковского. Они не были знакомы, но Благово хвалил этого человека. В свое время тот проявил себя, помогая Павлу Афанасьевичу в щекотливом деле. Вдова покойного императора княгиня Юрьевская похитила и вывезла из страны секретный франко-русский

протокол. Жадная и недалекая, она собиралась продать документ германцам. Доктор Любимов на правах альфонса вел от ее лица переговоры с Бисмарком. Нынешний государь послал Благово отобрать бумагу у зарвавшейся дуры. Состоялось объяснение. В ходе него Павел Афанасьевич сильно поколотил Любимова, попытавшегося противиться воле государя. Рачковский тоже приложил руку к обузданию эскулапа. Причем в самом непосредственном смысле этого слова... В итоге по рекомендации Благово он был назначен на хлебное место начальника Заграничной агентуры Департамента полиции. Безотчетные секретные фонды Рачковский тратил с умом и обязанности исполнял хорошо. Петр Иванович всегда помнил, кому обязан своей должностью. Теперь он усиленно разыскивал террористов, поднявших руку на его покровителя. Сумасбродная барышня мало интересовала Рачковского – он хотел найти руководителей покушения.

Полицейские встретились уже под вечер в ресторации «Вильде». Тут Лыков узнал от коллеги удивительную новость: девица Леонтьева освобождена из-под стражи и убыла в неизвестном направлении!

– Как же так? Кто позволил ее отпустить?

– Я задал тот же вопрос начальнику полиции. Он ответил, что из Берлина приехал важный господин, советник германского МИДа барон Гольдштейн. И передал устное повеление Бисмарка отпустить русскую.

– Бисмарк заступился за Леонтьеву? – опешил Алексей. – В огороде бузина, а в Киеве дядька! Какая связь между личностью Павла Афанасьевича и высокой европейской политикой? Бисмарк мелочиться не станет. А наш любимый вице-директор, при всем к нему уважении, не та фигура для канцлера.

– Сам не пойму, – ответил Рачковский, отхлебывая темное пиво. – Надо рассказать это Благово. Поскорее. У него голова поболее моей...

– И моей тоже!

– ...пусть она и думает. Есть еще странное обстоятельство. Вместе с бароном к начальнику полиции пришел еще один человек. Он не представлялся. Но именно этот господин без имени и увез Леонтьеву.

– Погодите-ка, Петр Иванович, – нахмурился Лыков, который никогда ничего не забывал. – Я слышал о бароне Гольдштейне два года назад. В нашей военной разведке, в германском отделении. Там его увязывали с неким субъектом, состоящим на русской службе. Незнакомец ваш как выглядел? Низенький, лысый, бритое лицо и очень высокомерный?

– Верно, Алексей Николаевич. А кто это?

Лыков сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Ример! Я должен был догадаться!

– Кто таков этот Ример? И зачем ему желать смерти Павла Афанасьевича?[5 - История противоборства Благово с Римером описана в книге «Выстрел на Большой Морской».]

– Извините, Петр Иванович, но об этом человеке больше ни слова. Для вашей же пользы. И... я вам не называл такой фамилии. Никогда! Мы понимаем друг друга?

– Сейчас выясним. Вы этого так не оставите?

– Ни в коем случае.

– Тогда я хотел бы помочь вам в... ну, вы догадались. Я многим обязан Павлу Афанасьевичу. И тоже не склонен прощать подобного. Пожалуйста! Я умею хранить тайны. А здесь, за границей, вам могут понадобиться мои связи.

Лыков задумался. Спустя минуту он решился:

– Хорошо. Вы правы, помощь мне не помешает. Я хочу знать, куда уехал Ример. В Париж? В Берлин? Или, может быть, в Петербург?

– Выясню. Полагаю, он уже в поезде. Зачем мозолить здесь глаза? Сделал дело, вытащил террористку – и бежать. Вы где остановились?

– На Брунненаллее, в гостинице «Фридрихштайн».

– Я приду к вам сегодня. Будьте в номере после восьми вечера.

Рачковский не обманул ожиданий Алексея. Он появился в половине девятого и спросил:

– Тайный советник Ример, член Совета министра внутренних дел – он?

– Он.

– Вот скотина! Из наших оказался! Ример отбыл сегодня днем через Берлин в Санкт-Петербург. Девица Леонтьева уехала в Париж двумя часами ранее.

– Спасибо, Петр Иванович. Я тоже качу в Питер. Срочно! Вы, пожалуйста, понаблюдайте тут за Павлом Афанасьевичем. А когда поправится немного, привезите к нам.

– Хорошо.

– И не сообщайте никому о Римере. Барона в депеше Дурново упомяните, а этого гуся не стоит.

– Так и сделаю, Алексей Николаевич. И... это... буду ждать новостей.

– Новости я вам обещаю.

Еще через сорок восемь часов коллежский ассессор делал доклад начальству. По его рассказу выходило, что тут замешаны немцы. Барон фон Гольдштейн, ближайший советник Бисмарка, зачем-то вытащил русскую террористку из тюрьмы. Какая связь между этими людьми? Дочь русского генерала, канцлер Германии и вице-директор Департамента полиции... Дикий клубок! Дурново выслушал доклад Лыкова и недовольно насупился.

– Вот и Рачковский подтверждает. Один в один. Что же затеяли германцы? Зачем им сдался Павел Афанасьевич? Не пойму. Или его с кем-то спутали? А эта дура Леонтьева! Она, оказывается, морфинистка. Может, выпростала пузырек да и накинулась на первого встречного...

– Если даже и так, при чем тут посланник Бисмарка? – не согласился второй вице-директор, статский советник Семакин. – Концы не сходятся.

– А! – сердито отмахнулся Дурново. – Не станем дальше голову ломать. Павел Афанасьевич, слава Богу, жив. Террористка бежала и нам теперь недоступна. А до Бисмарка нашему геройскому департаменту вообще нет никакого дела. Я доложу Вячеславу Константиновичу[6 - В. К. фон Плеве занимал тогда должность товарища (заместителя) министра внутренних дел.], и мы закроем вопрос. Расскажите лучше о том, что разыскали в Москве. Точно ли кислоту для бомбы прислали Ульянову поляки?

Недавняя попытка покушения на государя оставалась главным событием внутренней жизни империи. Метальщиков с бомбами схватили на Невском проспекте первого марта. Они знали, что в этот день Александр Александрович обязательно поедет на панихиду по своему отцу, убитому шесть лет назад. «Второе первое марта», как прозвали покушение в обществе, напомнило о гидре терроризма. Тихие годы оказались лишь передышкой. Следствие вскрыло страшные вещи: студенты из хороших семей (у Ульянова отец – статский генерал!) начинили пули в револьвере ядом и стрихнином – чтобы наверняка! Три разрывных снаряда могли разорвать в клочья случайных прохожих – на Невском всегда людно. След вел и к полякам, ненавидящим Россию.

Кроме того, открыло бомбистов столичное градоначальство, а Департамент полиции и Охранное отделение с Корпусом жандармов просмотрели. Наверху уже сделали выводы. Оржевского, товарища министра и командующего ОКЖ[7 - Отдельный корпус жандармов.], сняли с должности. Корпус как следует встряхнули. Дурново нервничал и драл с подчиненных три шкуры. Лыкова забрали с уголовных дел и заставили искать сообщников террористов в Москве. С помощью друзей-старообрядцев он обнаружил там секретную лабораторию по изготовлению бомб. Это был большой успех, поднявший акции Департамента; государю уже доложили о нем. По всем этим причинам дело Шевырева-Ульянова занимало Дурново куда больше, чем странное покушение на его вице-директора.

К вечеру Алексей освободился, но домой не пошел. Середина мая – лучшее время в Петербурге! Уже тепло, и первые листья радуют глаз. Темнеет поздно, начались белые ночи. Дети ждут папашу, и Варенька соскучилась, но нельзя... Лыков явился на одну из секретных квартир Департамента, записанную за ним, и стал готовиться. Час назад он выяснил через адресный стол местожительство Римера. Для этого сыщику пришлось одеться курьером. Тайный советник

проживал на Сергиевской улице, в роскошном доходном доме Бутурлиной, больше похожем на дворец. Вместе с Римером на площади были прописаны камердинер, лакей и кухонный мужик. Ни одной женщины! Ну, это даже лучше, учитывая планы коллежского асессора.

Тщательно приклеив бородавку и отладив кудрявый парик, Алексей вышел на улицу. В одиннадцать часов вечера он вошел в парадное. Сказал швейцару, что пакет для его превосходительства, срочно, лично в руки. Курьерская фуражка с кокардой сделала свое дело – толстый швейцар тут же пропустил его.

Дверь квартиры открыл плечистый дядя с нехорошим прищуром. Но сразу посторонился, заведя «черную шапку»[8 - Прозвище посыльных курьерской службы в Санкт-Петербурге.], – выходит, это здесь дело привычное. Пока все шло, как задумал сыщик.

– Где расписаться? – деловито спросил верзила.

– А вы изволите быть его превосходительство тайный советник Ример? – ядовито осведомился «курьер».

– Поумничай у меня! – огрызнулся дядя, судя по грязной жилетке – лакей. – Превосходительству я передам. Много тебе чести их беспокоить.

– Велено вручить лично в руки, – флегматично сообщил Лыков, глядя в потолок.

– Накось вот тебе двугривенный и вали отседова.

– Начальство сказал: об этот раз в руки. Из самого Берлину! Видать, что-то шибко важное.

Лакей несколько секунд размышлял, потом крикнул через плечо:

– Пахом!

Вышел второй детина, еще выше первого. Он был в ливрее и даже с цепочкой под ней. Ага, камердинер!

– Чево тебе?

– Покарауль этого, а я барина приведу. Вишь, не дает! Важное что-то...

Пахом вздохнул, словно ему поручили ворочать камни, и пристроился возле «курьера». Едва его товарищ скрылся в коридоре, Лыков сразу напал. Получив молниеносный удар в горло, богатырь захрипел и рухнул на колени. Над самым полом коллежский ассессор подхватил его и аккуратно уложил вдоль стены. Нужно было срочно найти третьего. Камердинер с лакеем больше смахивали на телохранителей, нежели на прислугу. Лыков бесшумно проскользнул в кухню. Там спиной к нему сидел крепыш в кубовой рубахе (что ж они все здоровые такие!) и хлебал тюрю. Удар в висок! Парень слетел с табурета. На этот раз сыщик ловил не его, а мебель, и все опять обошлось без шума. Едва он успел вернуться в шинельную, как в коридоре слышались шаги и голоса.

– ...Упрямый такой, вашество! Двугривенный не взял! Веди, грит, барина, и точка.

– Ну и останется, дурак, без награды.

Лыков шагнул навстречу, схватил лакея снизу за бороду и шваркнул головой о стену. Тот и охнуть не успел... Взяв в охапку барина, сыщик выволок его под лампу и внимательно рассмотрел. Вот ты какой, загадочный кукольник! Ример действительно оказался щуплым старикашкой с обильной лысиной. Глаза у кукольника, правда, были не властно-высокомерные, а испуганные.

– Кто вы? Что это значит? – захрипел он в медвежьих объятиях сыщика.

– Я ведь тебя, скотина, предупреждал: если что случится с Павлом Афанасьевичем – убью! Было?

– А... вы... какое право...

– Я Лыков.

Ример сразу обмяк. Алексей взял его за бритый подбородок, задрал голову вверх. Он был в бешенстве. Ему хотелось удавить негодяя так, чтобы тот перед

смертью подольше мучился. Ведь этот сморчок чуть не погубил Благово! Его, Лыкова, наставника и учителя, второго отца! Пальцы сами собой стали сжиматься на горле. Вдруг сзади послышалась возня. Не разжимая рук, сыщик оглянулся. Камердинер сидел на полу и хрипел, пытаюсь подняться. Алексей не спеша подошел, волоча за собой пленника. Постоял, примерился и врезал ливрейному каблуком в переносицу. Тот повалился замертво.

– А скажи-ка мне, кто тебе помогал, – снова обратился Лыков к тайному советнику. Но их опять прервали: из кухни выполз парень в кубовой рубахе.

– Тьфу! И поговорить не дадут!

Сыщик оплеухой сбил Римера с ног и быстро разделался с его охранником. Добавил за компанию и лакею в коридоре, чтобы уж больше их не прерывали. Потом отволок пленника в кабинет.

– И про морфинистку не забудь, и про барона.

Ример глядел с ужасом и булькал горлом.

– Там... деньги, много денег... Вот, в столе и в шкатулке еще! Все забирайте и уходите... пощадите старика!

– Лучше покажи мне письма. Те, что ты получаешь из Берлина, из Лондона.

– Все покажу! Все!

– Начни, знаешь, с той бумаги, что я посылал тебе. Помнишь?

Письмо-угрозу нужно было забрать из квартиры в первую очередь.

– Да, сию секунду! Она здесь, в секретере... Вот, извольте! Берег, как чувствовал...

Лыков отпустил пленника и развернул четвертушку бумаги. Да, это его записка! Вдруг краем глаза сыщик уловил движение и едва успел отшатнуться. Вспышка выстрела ослепила его, пороховые газы обожгли щеку. Лыков наугад сунул

кулак – и попал. Шмякнулось на пол тщедушное тело, с грохотом посыпался со стола письменный прибор. Алексей кое-как протер глаза. Ример лежал лицом вверх, а вокруг его головы быстро растекалась лужа черной крови. Тайный советник смотрел на Лыкова с ненавистью и что-то пытался сказать. Но вместо слов изо рта у него шла только кровавая пена...

В дверь квартиры позвонили, потом начали стучать. Нужно было срочно драпать. Алексей опустошил секретер, рассовал по карманам лежавшие в нем бумаги и рванул к черному ходу. Оказалось, что там его уже поджидали. Парень с дворницкой бляхой пытался сгрести коллежского асессора в охапку. Тот увернулся, подножкой сбил противника с ног и выскочил во двор. Мимо дровяных сараев он пробрался к соседнему дому, напустил на себя беззаботный вид и спокойно вышел на Сергиевскую.

Через пять минут Алексей уже был дома, на Моховой. Варенька выбежала ему навстречу.

– Как там Павел Афанасьевич? Я ждала, ждала...

Но всмотрелась в мужа и ахнула:

– Что у тебя с лицом? Словно утюг приложили!

– Павел Афанасьевич в сознании и скоро будет здесь.

– Но... твоя щека...

– Запомни, Варвара: весь сегодняшний вечер я провел дома с семьей. И прислугу научи. А сейчас тащи свои косметические средства, будем меня лечить.

– Алексей! Объясни, что случилось? Где ты был?

– ...И никогда больше не задавай мне таких вопросов.

Варенька взглянула в глаза мужа – там, не потухая, горела яростная злость – и молча побежала за мазями.

В прошлом году в маленьком уездном городе Варнавине она впервые столкнулась с жутким миром убийц. И только тогда до конца поняла характер службы мужа. Страшная опасность угрожала семейству Лыковых: нелюди решили уничтожить их всех, включая даже маленьких детей...[9 - Эта история описана в книге «Дело Варнавинского маньяка».] Только Божий промысел в лице необыкновенного подростка спас семейство. Ужас тех минут запомнился Вареньке навсегда. Ее супруг, такой добрый и нежный дома, оказывается, мог быть и другим. Решительным и беспощадным. И только так он добивался победы. Зло по очереди выставляло Алексею в противники все новых и новых своих солдат. То в образе беглого каторжника, то в лице уездного исправника, то вдруг под видом провинциальной красавицы. Казалось, им нет счету, их воинство неодолимо. Но Лыков не опускал рук и не впадал в малодушие. Он методично и неумолимо вычищал пространство вокруг себя. В этом защищенном его храбростью пространстве жили нормальные люди. Часто они и не подозревали, как раньше Варенька, о существовании другого мира, насылавшего на них экспедиции. И пусть не догадываются! Алексей чувствовал себя молодым и сильным. Он занимался тем, к чему был предназначен. Коллежский асессор не питал иллюзий вроде «добро всегда побеждает». Но на своем участке границы между двумя мирами он противнику спуску не давал и его не пропускал. Варенька, поняв это единожды, сознательно поставила себе барьер: не спрашивая лишнего, просто любить. И стараться не бояться за мужа, как бы это ни было трудно...

Утром Лыков пришел на службу с подвязанной щекой. Вид у грозного сыщика получился жалкий. «Вяземский кадет», а не коллежский асессор с двумя шейными орденами... Цур-Гозен посмотрел на подчиненного да и отпустил бедолагу лечить больные зубы сразу до понедельника. Уходя, Алексей успел пробежать глазами сводку происшествий по столице. Там на первом месте стояло убийство в собственной квартире тайного советника Римера. Преступник скрылся, сильно помяв трех человек из прислуги.

К понедельнику зубы у Лыкова зажили, и он опять явился к Цур-Гозену.

– Ага! – обрадовался тот. – Очень кстати! Ты слышал про убийство члена Совета нашего министра?

– Читал в сводке, но без подробностей. Мы-то тут при чем?

– Сыскное управление градоначальства не справляется. Велено помочь Виноградову.

– Вот еще! – фыркнул Алексей. – Ему сунешь палец – он откусит всю руку. Вы же знаете Ивана Александровича. Как только мы начнем ему помогать, он тут же бросит розыск. А потом на нас все и свалит. Департаменту лучше вообще в это дело не соваться!

Цур-Гозен сник.

– Да, Виноградов любит на чужом горбу в рай ездить... Но как же быть? Директор велел помочь.

– Сошлитесь на занятость. Своих дел невпроворот, некогда чужими заниматься!

– Алексей Николаич, но ты же сейчас свободен! Бомбистов повесили, следствие закрыто. В Ялту в этом году тебе не в очередь.

– Значит, нужно срочно придумать мне занятие! Иначе мы с этим... как его?

– Римером.

– ...Римером вляпаемся. Я петербургское сыскное хорошо знаю – всё повесят на нас!

– Погоди-ка, – повеселел исполняющий обязанности вице-директора. – Где оно у меня? Ага!

Он взял со стола отношение и пояснил:

– В Варшаве пристава убили. И еще полицейский офицер без вести пропал. В штат их сыскаго отделения введена должность временного помощника начальника с целью усилить службу и разыскать убийц. Сами они не справились... Дурново велел послать кого-нибудь из третьего делопроизводства, на шесть месяцев. Не хочешь? Варшава – это же почти Европа!

Лыков задумался. Может, действительно лучше сбежать из столицы? Подальше от сыскарей Виноградова и поближе к Павлу Афанасьевичу...

– А что! Там много неприсутственных дней: к нашим православным праздникам добавляются еще и католические. Можно Благово навещать. Согласен!

Так Лыков угодил в Варшаву.

Глава 2

Знакомство

Алексей прежде уже бывал в столице Привислинского края, переименованного так из Царства Польского после восстания 1863 года. Раз проездом и раз прожил три дня в составе Летучего отряда Департамента (брали шайку мошенников). Города он за эти короткие визиты узнать не успел, но осталось впечатление чего-то парадного и вполне заграничного. Теперь коллежскому асессору предстояло прожить здесь полгода. Он решил первый месяц перекантоваться в одиночку, освоиться, приискать квартиру – и потом вызвать семейство. Варенька согласилась на это без раздумий.

Она затаила в себе новый страх с той ночи, когда муж пришел под утро с обожженной выстрелом щекой и сказал:

– Запомни: весь вечер я был дома.

– А если заставят присягать на Священном Писании?

– Жену против мужа не заставят, закон не позволяет.

– Но...

– Где я был на самом деле?

– Да.

– У человека, который велел убить Павла Афанасьевича. Теперь забудь об этом!

Сборы заняли два дня. Все это время Лыков наблюдал, как ведется розыск по делу Римера. Высокий чин погибшего заставлял сыщиков стараться. Департамент обязали-таки помочь градоначальству, но Дурново зло подшутил: для этих целей он выделил надворного советника Скибу. Тот раньше служил с Виноградовым, но мздоимство последнего вынудило его уйти. Благово тогда взял Максима Вячеславовича к себе. Скиба помнил, кто помог ему в трудную минуту. И охотно отвечал на вопросы ученика своего покровителя, а взамен требовал хороших новостей из Бад Вильдунгена.

Из рассказов Скибы выходило, что сыщики зашли в тупик. Свидетели давали приблизительное описание внешности убийцы. Среднего роста, кудрявые черные волосы, усы мещанского типа. На лице – приметная бородавка. Очень быстрый, очень сильный... Под такие приметы не подходил никто из рецидивистов. По мнению надворного советника, бородавку преступник наклеил для отвода глаз. И волосы мог перекрасить. Из надежных примет оставались только рост и особая дерзость, с которой было совершено убийство.

Эта манера и стала путеводной нитью для следствия. Лишь два человека в столице способны на такое! Первый – это знаменитый Сашка-офицер, артист в своем роде. Второй – восходящая звезда столичного преступного мира Ваня-Учигай[10 - Учигай — убийца (молд.)]. Родом из Бессарабии (оттуда и кличка), он составил в Кишиневе шайку громил и провел ряд налетов. Ограбления были поразительными по наглости – жертвой одного даже стал вице-губернатор! – и стоили много крови. Выданный сообщниками, главарь бежал из тюремного замка и объявился в Петербурге. Быстро вошел в круг влиятельных «иванов». Грабил с большим разбором и брал помногу. Действовал Учигай теперь всегда один и потому был неуловим. Барыги и наводчики боялись его как огня и отказывались давать показания. По данным сыска, бессарабец квартировал в Волчьей канаве на краю Горячего поля. Полиция в это страшное место соваться не решалась. Поэтому пока Учигаю все сходило с рук.

Скиба сообщил Алексею свои соображения и спросил его мнение.

– Это не Ваня! – уверенно ответил коллежский ассессор.

– Значит, Сашка-офицер?

– Нет, и не он.

– Как так?

– А вы задумайтесь, Максим Вячеславович. Насколько я помню протокол осмотра, там сказано следующее. Жертва погибла, ударившись виском об угол камина. При падении. Так?

– Точно так. И что из этого?

– Думаю, случилось непредумышленное убийство. Будь там Учигай, он кончил бы всех, кто находился в квартире. А тут слуги помяты, но живы. Помер лишь старик, и то при неловком падении.

– Хм... Интересное соображение. То есть дерзость не Сашки и не Ваньки, а кого-то третьего? Тогда кто он и зачем пришел к покойному?

– Пришел понятно зачем – пограбить. И у него был наводчик.

– Наводчик? Все интереснее и интереснее!

– Рассудите сами. Тайный советник, чин третьего класса, кого попало к себе не впустит. Случайный налет исключен. Неизвестно число людей в квартире и насколько они решительны. А наш грабитель проник и был подготовлен. Кто-то загодя вооружил его сведениями.

– Так-так-так... Продолжайте, пожалуйста, Алексей Николаевич!

– Я исхожу из здравого смысла. Преступник шел на грабеж невероятно дерзкий, но шел уверенно. Он разделался с прислугой по одному, поскольку знал порядки в квартире. Думаю, надо искать двух злоумышленников. Один из них был ранее связан с покойником. Например, бывший слуга, обиженный при расчете. Или кто-то близкий к нему. И собственно налетчик, возможно, новичок в уголовном мире. Заметьте: налетчик, но не убийца! Хозяина он завалил случайно, в ответ на выстрел последнего. Так что ищите не гайменника, а дергача![11 - Гайменник —

убийца, дергач — налетчик (жарг.).]

– Вот сразу видать школу Павла Афанасьевича! – с чувством произнес Скиба, вскакивая с кресла. – Пойду вправлю мозги Виноградову!

Лыков уезжал в Варшаву довольный. Подброшенной им версии сыщикам хватит на месяц. За это время о Лыкове все забудут. А когда через полгода он вернется, розыск убийцы Римера уже закроют.

Прощание с семейством вышло невеселое. Все привыкли к его постоянным отъездам, но шесть месяцев – большой срок. Может, соединятся они вскоре в Варшаве, а может, это окажется неудобным. Мало ли для того причин? Варенька всплакнула. Сыновья отказались слезать с отцовской шеи, и пришлось отвлекать их мороженым. Когда они ринулись на зов няни, Лыков обнял жену, взял вещи и уехал на вокзал.

Поезд из Петербурга прибывал в Варшаву ровно в полдень. Задолго до этого Лыков понял, что он не в России. В империи, но не в России! С утра за окном тянулись ухоженные поля. В лесах не валялось ни одного бесхозного дерева. Кабаны и косули смело высывались из кустов, разглядывая паровоз с вагонами. По шоссированной дороге в аккуратной бричке ехал прилично одетый крестьянин и курил трубку. Вдоль пути – ни бумажки, ни соринки. И этих людей мы хотим подчинить своей воле, подумал Лыков. Впору учиться у них, а не пытаться диктовать.

Он не любил поляков – за раннюю смерть отца, за фанфаронство, за неприязнь ко всему русскому. Но ведь в культурном отношении польская нация стоит выше, и глупо это отрицать. И каково более развитому народу подчиняться менее образованному? Плюсом добавить тупую властность нашей бюрократии... А еще особенности русского характера делают гнет особенно унижительным. Алексей вспомнил рассказ агента Девяткина из нижегородского сыскаго. Тот проходил воинскую службу в Царстве Польском. Когда их рота выдвигалась на маневры, привал часто устраивали возле фруктовых садов. Наши солдаты, побросав винтовки, тут же бежали набрать яблок или слив. Но они не рвали плоды, а ломали целиком лучшие ветки! Обдирали деревья так, что те потом долго болели или вообще погибали. Само воинство состояло преимущественно из крестьян, которые у себя дома сеяли, сажали и должны были, казалось,

понимать цену рабочего пота. Как же так? Для чего этот вандализм? Из злого озорства, увы, часто присущего русскому человеку... Притом ротные командиры поддерживали безобразия, а вышестоящее начальство закрывало на них глаза. Девяткин, неглупый и богобоязненный человек, рассказывал о ломке деревьев с удовольствием. Пусть, мол, знают! Ишь, обустроились! Ну и как должен относиться к русским тот поляк, чей сад погубили?!

С невеселыми мыслями Лыков отвернулся от окна и стал присматриваться к попутчикам. Вагон был со спальными диванами, но без купе – все пассажиры на виду. Они четко делились на три категории. Больше всего ехало офицеров и чиновников. Эти направлялись к месту службы серьезные, важные, словно татары за ясаком. Военные – подтянутые и хмурые, а у статских в глазах напускное, неуверенное чувство превосходства. Будто они понимали свою несуразность и вынужденно маскировали ее апломбом...

Вторыми по численности были ополяченные евреи. Финансисты, коммивояжеры в добротных сюртуках и с дорогими булавками в галстуках. Несмотря на такую наружность, с русскими они держались подобострастно и охотно оказывали им мелкие услуги.

И наконец, третьим элементом были туристы, едущие в Европу. Для них остановка в Варшаве была лишь коротким эпизодом, закуской перед главным блюдом.

Собственно поляков во всем вагоне не оказалось ни одного!

Кондуктор прошел по вагону и объявил, что прибытие состоится через четверть часа. Пассажиры стали укладывать вещи. Вскоре поезд въехал в скучное правобережное предместье Варшавы – Прагу. За окном мелькали закопченные кирпичные казармы и деревянные складские балаганы. Накопец состав остановился. Лыков с сакон и корзиной вышел на дебаркадер и сразу увидел встречающего. Среднего роста и возраста человек, в готовом костюме-тройке, с цепким взглядом, стоял в толпе. Он тут же подошел и чуть приподнял шляпу.

– Позвольте представиться: губернский секретарь Яроховский Франц Фомич, заведующий столом приключений[12 - Стол приключений — структурное подразделение сыскной полиции, отвечающее за регистрацию происшествий.]. Прибыл сопроводить вас до начальника отделения.

Яроховский говорил по-русски правильно, но с характерным польским произношением, когда ударение ставится на предпоследний слог.

Лыков передал вещи носильщику, они вышли на биржу и сели в заранее арендованного извозчика. Алексей обратил внимание на внешний вид пролетки. Очень чистая и аккуратная, на лежачих рессорах – таких не встретишь ни в Петербурге, ни тем более в Москве. Лошади тоже как с картинки, здоровые и ухоженные. Упряжь «краковская», рогатый хомут и чересседельник украшены посеребренными бляхами. Извозчик бритый, подтянутый и вежлив без заискивания. Чудеса! Биржа вообще поразила сыщика. Возницы разбирали пассажиров в порядке очереди, без ругани и состязаний. Седо ки тоже не пытались торговаться, а чинно рассаживались и мирно уезжали. Как это не похоже на Россию... Присмотревшись, Лыков обнаружил на стенке коляски небольшой листок с текстом на двух языках: «Один конец – 20 копеек».

– Франц Фомич, что это за «конец»? Сколько в нем верст?

– Конец – это одна поездка. Она может быть и двести саже ней, и десять верст. А цена одна – двугривенный.

– Но если я подряжу извозчика ехать на другой конец горо да? Со столь малой суммой он же окажется в невыгоде!

– Такие «концы» редки. Варшава не настолько велика. Обычно поездки короткие, и возница не остается внакладе.

– Удивительно! – только и сказал Лыков.

Между тем пролетка выехала на мост, и открылся вид на город. Он был очень красив. На левом, высоком берегу Вислы раскинулись живописные кварталы. Поражало обилие зелени – варшавяне любят прогулки на свежем воздухе. Среди густых крон тут и там возвышались бельведеры шляхетских дворцов и шпили костелов. Алексей залюбовался. Варшава смотрелась европейской столицей.

Яроховский, заметив это, улыбаясь и стал объяснять:

– Справа от моста Королевский замок. Там, где столпились узкие дома, – Старо Место. Этот район действительно очень старый – некоторые жилища стоят с семнадцатого века. А шпиль, что виден позади, – это Свентоянский костел, главный в городе. Известен с 1250 года! Правда, он неоднократно подновлялся, последний раз всего полвека назад, и внешний вид искажен, но зато внутри все древнее! Не поленитесь и загляните туда. В костеле погребены последние мазовецкие короли Януш и Станислав. Очень красивые мраморные надгробия. У вас тогда... как это говорится? Сапогом суп ели, да? А у нас уже как в Европе было.

Алексея покоробил такой выпад, ничем не спровоцированный. Он хотел одернуть поляка, но передумал. На новом месте первое время надо больше слушать и меньше говорить...

Губернский секретарь между тем продолжал:

– От замка влево идет главная варшавская улица Краковское Предместье. То наши Елисейские Поля! Самые красивые дома и дворцы магнатов здесь или поблизости. Вам обязательно следует тут прогуляться!

– Да, я решил изучить ваш город как можно быстрее. Это и для службы полезно, и удовольствие...

– Если желаете, готов показать вам все интересное!

– Спасибо, Франц Фомич, но незнакомый город надо изучать одному, без провожатых. Пару раз заплутаешь, зато быстро освоишься! Вы мне лучше про криминальную обстановку в Варшаве расскажите.

На этих словах Яроховский сразу замкнулся.

– По этому вопросу вам следует адресоваться до господина начальника отделения.

– Хорошо, вернемся к городу. Ежели я, согласно вашего совета, пойду гулять по Краковскому Предместью, где окажусь потом?

– О, вы попадете в Новы Свят, еще один чудесный уголок! Там действительно все без древностей. Строения приятные и представляют собой образчики модных направлений архитектуры. Мы стараемся брать пример с Парижа и Вены. Не с Петербурга, нет.

Лыков развернулся к собеседнику и посмотрел на него в упор.

– Чем же вам так Петербург не угодил?

Яроховский отнюдь не стушевался и ответил с вызовом:

– А он не мне одному, он всем полякам не угодил. Прослужите тут хотя бы с месяц – и поймете чем.

Алексей попытался смягчить разговор:

– Я слышал, что для коренных жителей существуют затруднения в производстве. Вас что, обошли чином? От этого обида?

– Чином обошли, верно. Как всех других добрых католиков, не желающих менять веру на карьеру. Но бог с ним, с вашим чином! Хотя я служу честно, существую лишь жалованьем и здорового честолюбия не лишен. Не знаю, поймете ли вы нас... Да, русские везде обходят по службе потому лишь, что они русские. Таков негласный порядок. И это очень неприятно наблюдать. Я служу уже восьмой год и пребываю в двенадцатом классе. Со мной в гимназии учился некий Ташкин, лентяй и пустой человек. Но зато православный! И что вы думаете? Он уже надворный! Чем-то там руководит в магистрате, хотя по способностям ему лучше всего быть свинопасом. Лямку под ним тянут честные поляки, а чины идут Ташкину И еще тем, кто с гуттаперчевой спиной...

Яроховский вздохнул и отвернулся. Пролетка между тем проехала мост и стала взбираться по широкому подъему. К большому удивлению Лыкова, дорога оказалась из асфальта! В Петербурге этим дорогим и модным материалом отделали лишь несколько площадок перед театрами и великокняжескими

дворцами. А здесь... Экипаж катил по гладкой и ровной мостовой бесшумно и споро, словно бы по стеклу. Очень быстро седоки очутились на Замковой площади.

- Скоро уже приедем, - со вздохом произнес Яроховский. - В довершение разговора скажу без экивоков. Обидно не то, что нас обходят по службе. Обидно, когда народ почти варварский повелевает народом более цивилизованным. Это несправедливо. И когда-нибудь плохо кончится для повелителей.

- По-вашему, русские почти что варвары? - опешил Лыков.

- Так считает каждый поляк, - отрезал заведующий столом приключений. - Не каждый скажет вслух, как я, но думают так все.

- Может быть, вам оставить службу? При подобном образе мыслей...

- Это, милостивый государь, не вам решать. А без нас, кто честно служит, вы тут все равно не обойдетесь. Некомплект русских чиновников катастрофический. Не едут они сюда, как ни заманивай ускоренным чинопроизводством. Так что терпите!

- Хорошо, я потерплю пока, - согласился Лыков. - Совместная служба лучше всего покажет, на своем ли вы месте.

- И тогда что? - с вызовом спросил губернский секретарь.

- Если на своем - останетесь. Как бы ни противны были русскому курсу ваши взгляды. Кто-то должен служить. Если человек делает это честно и умело, его политическая оппозиция терпима. В разумных пределах, конечно.

- А если вы решите обратное?

- Тогда уйдете с коронной службы без прошения. Может быть, в те же свинопасы.

- Вы такая фигура? - фыркнул Яроховский. - Господин командированный в чине восьмого класса... Скромнее надо быть. О моем служебном будущем решать не

вам, а варшавскому обер-полицмейстеру и начальнику сыскной полиции. А вы как приехали, так и уедете.

Пролетка уже давно стояла возле ратуши, но седоки продолжали серьезный разговор.

– Менее всего, господин Лыков, я намерен угождать вам. Служу – можете справиться у начальства – честно. Имею крест Святого Станислава от правительства и ранение от уголовных. А совесть, патриотизм – мое личное дело. Пугать меня не надо, я не из пугливых. Теперь идемте, нас ждут.

И Лыков молча сошел на землю. Хотя последнее слово осталось за поляком, его откровенность произвела на Алексея впечатление. Он решил не обострять отношений с первого дня, а о служебной пригодности Яроховского судить исходя из его деловых качеств. Кроме того, коллежский ассессор уже догадался, что услышит подобное еще не раз...

Они вошли в ратушу. Городовой на входе, с двумя медалями и с простым русским лицом, вытянулся перед Яроховским. Тот небрежно кивнул и повел гостя на второй этаж. Толкнул дверь, обшитую дешевой клеенкой, и они очутились в большой комнате. Накурено, но для полицейского учреждения непривычно чисто. Несколько столов завалены бумагами, вместо иконы в углу – распятие на стене. Два десятка мужчин сидели за столами или сновали по помещению. Они были одеты необыкновенно щегольски для сыскных агентов. Добротные сюртуки и белые манишки, трости и котелки! А лица, лица! Холеные усы и бороды всех фасонов! В движениях людей сквозило общее для всех, едва уловимое фатовство. Запах дорогого табака довершал необычную для приезжего картину. Ай да Варшава!

– Здравствуйте, господа! – учтиво снял шляпу Лыков. Ему нестройно ответили, косились с любопытством, но Яроховский сразу повел гостя в кабинет начальника. Перед дверью остановился и обратился к Алексею.

– Ну, вы идите, вас ждут. А я свое дело сделал, доставил. Если чем обидел в разговоре – прошу извинить за тон. Но не за смысл. Считаю, чем честнее, тем лучше.

– В этом я с вами полностью согласен, – ответил коллежский асессор и протянул руку. Поляк молча пожал ее и ушел. А Лыков шагнул в кабинет.

Тот оказался большим, светлым и элегантно обставленным. Из-за письменного стола вышел человек высокого роста и атлетического сложения.

– Разрешите представиться. Чиновник особых поручений Департамента полиции, коллежский асессор в звании камер-юнкера Алексей Николаевич Лыков. Командирован в ваше распоряжение на шесть месяцев для исправления должности временного помощника.

– Очень приятно. Надворный советник Эрнест Феликсович Гриневецкий, начальник варшавской сыскной полиции.

Весь плотный, крупный в кости, словно отлитый из чугуна, Гриневецкий был еще и красив. Черные вьющиеся волосы без седины, зеленые умные глаза, пушистые усы, волевой подбородок. Светский лев, а не сыщик... В свою очередь новый начальник столь же внимательно разглядывал своего подчиненного. И быстро сделал выводы.

– Я вижу, вы, Алексей Николаевич, как и я, дружите с гириями! Тоже силовой гимнастикой балуетесь? Шея-то вон прямо от ушей растет... необыкновенно мускулистая. Плечи, осанка... А что у вас с рукавами сюртука? Неужели расшивали?

– Поневоле пришлось, Эрнест Феликсович, – стал оправдываться Алексей. – Рвутся...

– Впервые такое вижу, хотя некоторые мои знакомые похвалялись. Мы, варшавяне, любим иногда приврать. В Соборном участке заведено Полицейское атлетическое общество, коего я состою президентом. Люблю, знаете ли, поиграться с железом...

– Очень даже заметно!

– Вы, кажется, привыкли скрывать свою силу. Неопытный человек может и обмануться, но не я... Пудов десять отрываете, так?

- Примерно угадали, - ответил Алексей, хотя «отрывал» намного больше.

- Вот-вот, меня не проведешь! Повадку сразу вижу! Сам же я силу не прячу. Скорее, по нашей польской привычке выпячиваю напоказ, хе-хе... Здесь это принято, освоитесь - поймете. Сразу приглашаю войти в наше общество. А то ведь руки начинают зудеть, ежели долго не касались тяжести, так?

- Так, - улыбнулся Лыков. Начальник отделения положительно нравился ему: приятный, не сухарь и тоже атлет, товарищ по увлечению.

- Собираемся мы по субботам. Господин обер-полицмейстер поощряет, когда слуга правопорядка выказывает фигуру и статью. Теперь о вашем устройстве. Какие имеете пожелания?

- Познакомиться с кадром отделения, чем быстрее, тем лучше.

- Это лишь после начальства! В первую очередь представьтесь обер-полицмейстеру. Генерал-майор Толстой - человек военной субординации. Знакомство с вашим новым положением следует начинать с него. Потом еще два-три обязательных визита. Когда вернетесь, займемся кабинетом и жильем и лишь после этого - кадром. Под кабинет вам выделено отдельное помещение, оно прямо над нами. Вход с лестницы между вторым и третьим этажами. Ключи и обстановку получите у моего помощника титулярного советника Нарбутта. Кстати, присмотритесь к нему. Витольд Зенонович - очень опытный человек. Именно он раньше руководил сыскным отделением. Но в силу обстоятельств уступил эту должность мне... Однако вам пора идти к его превосходительству. Так?

- Да, конечно. Где я могу переодеться?

- Вон за той дверью, в туалетной комнате. Награды имеете?

- Есть немного.

- Наденьте все - генерал это любит. А я пока пошлю узнать, готов ли их превосходительство принять вас.

Лыков быстро переоделся в парадный мундир, прицепил шпагу и разгладил плюмаж на шляпе. Когда он вернулся в кабинет, Гриневецкий что-то быстро писал. Прервавшись, надворный советник обернулся через плечо.

– Готовы? – И тут же вскочил, как на пружинах. – Вот это да!

Эрнест Феликсович подбежал к гостю и принялся разглядывать его так, словно только что увидел.

– Да вы... вы просто герой, Алексей Николаевич! «Есть немного»... Шутить изволите?! Это разве немного? Со счета сбиться можно. Шейные Анна и Станислав – и у коллежского асессора! Никогда такого не видел. Как это вышло? А мечи на Анне откуда?

– Это за секретную экспедицию в Дагестан, в позапрошлом году. В горах, по сути, идет война. Я был помощником начальника отряда, прикомандированным от МВД. Хлебнули мы изрядно – половина осталась лежать на ледниках... В виде совершенного исключения государь согласился с представлением военного министра.

– Понимаю. У меня старший брат служит в штабе Кавказской гренадерской дивизии. Пишет то же самое. Но идемте, вас ждут.

Сыщики пошли наверх, где помещались обер-полицмейстер и канцелярия. Перед дверью начальственного кабинета Гриневецкий еще раз глянул на лыковский иконостас и съязвил:

– Хорошо, у генерала своих две ленты, а то бы вам не поздоровилось... Жду по выходе у себя внизу. Ну, с аллахом!

Секретарь обер-полицмейстера, важный рыжеусый поляк, нехотя отворил перед Лыковым дверь так, что образовалась лишь узкая щель. Да еще процедил сквозь зубы:

– Постарайтесь быть кратким.

– А это как разговор пойдет, – пожал крутыми плечами коллежский асессор. – И дверь распахните как следует. Я не кошка, чтобы боком пролезать.

Пан и ухом не повел. Тогда Алексей оттер его плечом, толкнул дверь ногой и вошел к генералу.

Сергей Иванович Толстой оказался моложавым и сухощавым, с залысиной и короткой ухоженной бородой. На обыкновенном мундире было две звезды – Анны и Станислава – и шейный Владимир третьей степени. Обер-полицмейстер сначала слушал доклад сидя, но, когда разглядел ордена, поднялся.

– Георгий, полагаю, за турецкую войну?

– Да, ваше превосходительство.

– А мечи к Анне каким образом получили?

Лыков объяснил.

– Военное министерство отметило полицейского чиновника? Никогда о таком не слышал.

– В приказе было сказано: «В виде совершенного исключения из правил». Случай действительно редкий, соглашусь.

Сыщик держался вежливо, но с тем неброским чувством собственного достоинства, которое многие начальники на Руси не любят.

– Эти мне исключения! – раздраженно сказал генерал. – Все требуют себе невозможного и чтобы против правил!

– Я, ваше превосходительство, ничего себе не требовал, – твердо ответил Лыков. – А лишь исполнял свой долг.

На этих словах обер-полицмейстер сел, но подчиненному стула не предложил.

– Скажите, господин камер-юнкер, для чего вы приехали в Варшаву?

– Я полагал, ваше превосходительство, что министерство сообщило вам о цели моей командировки.

– И все же, для чего?

– Хм... В Петербурге обеспокоены происшествиями с чинами полиции. С начала года убит пристав Емельянов, а подпоручик Яшин пропал без вести. Возможно, и он стал жертвой преступления. Но следствие зашло в тупик.

– Чепуха! Яшин сбежал, спасаясь от кредиторов. Нет трупа – нет и преступления. А следствие ведет следователь, значит, в тупик зашло министерство юстиции, а не мы.

– Да, но розыск в помощь следствию возложен на сыскную полицию. Видимо, к ней есть нарекания. Поэтому прислали сыщика.

– Что конкретно вам поручено?

– Исправлять должность временного помощника начальника сыскного отделения. Срок командировки – шесть месяцев. За это время я должен обнаружить убийцу пристава с передачей дела в суд. А также дать рекомендации по улучшению сыскной службы.

Толстой молча разглядывал Алексея и о чем-то сосредоточенно думал. О чем?

– Разрешите спросить, ваше превосходительство, что вам не нравится в моем поручении?

– Можете сесть.

– Благодарю.

– Мне не нравится, что у вас вся грудь в крестах. Мне в Варшаве нужны дипломаты, а не лихие рубаки! Наши отношения с поляками – тонкая материя. Стороны взаимно не терпят друг друга, подозревают, отказываются

сотрудничать. История русского управления Польшей омрачена тремя кровавыми восстаниями и последовавшими за этим репрессиями. Я, как варшавский обер-полицмейстер, считаю своим долгом изменить нездоровую атмосферу взаимных претензий. И добиться сотрудничества с той частью общества, которая не приемлет радикализм. А этому есть противники с обеих сторон! И от них, и от наших, что упиваются прошлым...

Толстой говорил взволнованно и смотрел на Алексея с непонятной надеждой, словно хотел увидеть в нем союзника.

– Вот уже шесть лет, как я на должности, провожу свою политику и кое-чего ею добился. И не потерплю махания саблей ни от кого! Поймите, Лыков: хрупкую перемычку возникшего между мною и варшавянами доверия может разрушить любой резкий эпизод. Совершенный, например, приедем ретивым сыщиком, не сообразившим местных обстоятельств.

– Я понял ваши опасения. Но хочу напомнить, что командирован сюда, чтобы найти убийц русского офицера. На деюсь, их-то вы не причисляете к здоровой части общества?

– Этих, конечно, нет.

– Вот убийцами я и стану заниматься. Не вторгаясь в прочие сферы сложных русско-польских отношений.

– Но обещайте мне помнить наш разговор и в процессе розыска... как бы это сказать?... быть осторожным и ответственным.

– Обещаю, ваше превосходительство. Я ведь тоже не сторонник репрессий. Особенно в отношении насильно присоединенных народов. Уж если такое состоялось, нам следует не заставлять, а приучить поляков жить в сообществе с русскими. Чем-то для этой цели и поступившись.

– Вот! – Толстой чуть не вскочил со стула, но передумал. – Вот слова разумного человека, а не политического головореза! Вы... э-э...

– Алексей Николаевич.

– Вы, Алексей Николаевич, приходите ко мне запросто, если возникнет сложная ситуация и потребуются совет опытного руководителя. Я велю сказать секретарю...

– Благодарю, ваше превосходительство.

– Дабы быть понятным до конца, сообщу свою точку зрения на польский вопрос. В сложившихся трудных отношениях виноваты обе стороны. Согласны?

– Согласен.

– Но какая больше?

– Не знаю, ваше превосходительство, – ошарашенно ответил Алексей. – Признаюсь, думал об этом. Еще признаюсь, что в польских стремлениях к свободе много по-человечески симпатичного. Мы, русские, попадаи на их место, точно так же боролись бы. И... честно говоря, в политике нашего правительства часто присутствует негибкость. Но польские зверства...

– Ни слова более, Алексей Николаевич! – На этот раз Толстой все-таки вскочил, но тут же сел снова. – Ни слова, иначе опять начнется бесконечное сведение счетов. Я, генерал-майор русской армии и варшавский обер-полицмейстер, тоже много думал над этим. И рассудил так: когда обе стороны виноваты, то больше вина того, кто сильнее.

Лыков осекся. Простая и лаконичная формулировка Толстого звучала убедительно. Да и с точки зрения христианской морали генерал прав! Но во-первых, это расходится с правительственным курсом. Находясь на коронной службе, Толстой не имел права изобретать собственную политику. А во-вторых, личный опыт общения с поляками был у Лыкова негативным. «Варшавские» славятся на всю империю мастерством взломов несгораемых шкапов. При аресте они отчаянно отстреливаются, не стесняясь жертвами. Замешаны поляки и в шпионаже – Алексей знал это от друга, барона Таубе. Кроме того, покойный отец много рассказывал о коварстве и жестокости панов во время восстания 1863 года. Как взвесить крайности?

Генерал наклонился вперед и сказал мягко:

– Конечно, не сразу. Это слишком непривычно русскому уху, что мы можем быть виноваты. Подумайте. Мне кажется, что вы человек порядочный. Поверьте мне: можно ладить с поляками и оставаться при этом патриотом!

И встал. Лыков тут же вскочил и вытянулся.

– Ступайте и помните наш разговор. Желаю успехов в службе.

– Благодарю, ваше превосходительство!

– Не забывайте: если появятся вопросы, сомнения – запрос то заходите ко мне.

Глава 3

Первые впечатления

Лыков вернулся к начальнику сысской полиции под сильным впечатлением. Гриневецкий отложил бумаги.

– Как вам наш генерал?

– Он проповедует... самостоятельные идеи, скажем так. А это большая редкость среди русских администраторов. Особенно полицейских.

– Вы о польско-русских отношениях? Да, у Сергея Ивановича есть своя формула. Он долго шел к ней. В 1863 году прапорщиком Толстой принял участие в подавлении восстания. И стал свидетелем многих несправедливостей со стороны правительства. Уже тогда, видимо, у него появилось чувство личной вины перед поляками. Так? Я обратил внимание: Станислава четвертой степени, полученного за усмирение, генерал никогда не надевает. Став варшавским обер-полицмейстером, он решил что-то изменить. Пусть только на своем участке! Это было трудно, но искренность генерала была замечена польским обществом. Сейчас, могу это подтвердить, Толстой принят варшавянами и пользуется уважением. Не то чтобы там были объятия – поляки обижены и насторожены, – но хотя бы стал возможен диалог.

– Обиды... несправедливости правительства... С той поры прошло четверть века, а ясновельможные и по сей день упиваются обидою. Не пора ли уже делом заняться?

– Польское общество именно так и рассудило, – серьезно пояснил Гриневецкий. – От идеи национального восстания в ближайшее время решено отказаться.

– Вот как? В ближайшее время?

– Да. Сейчас международная обстановка такова, что восстание не получит зарубежной поддержки. Как это было, например, в шестьдесят третьем... Тогда эту поддержку оказывала главным образом Франция. Теперь, после германского унижения, она чрезвычайно заинтересована в союзе с Россией и не станет помогать полякам. Англия двулична и ненадежна. У Австрии с Германией у самих... как это?.. лицо заросло? Так?

– Рыло в пуху.

– Да. Поэтому сегодня о мятеже мечтает лишь горстка студентов, которым не хочется учиться. Серьезные люди все свои силы вкладывают в развитие страны.

– Российской империи?

– Зачем империи? – удивился Эрнест Феликсович. – Польши, конечно.

– Но ведь такого государства нет на карте!

– Сейчас нет. Но мы с вами еще доживем до его появления.

– Вы польский патриот?

– Не совсем польский, – дружелюбно рассмеялся надворный советник. – По национальности я жмуд, или, иначе, литовец. Но хочу коротать свою старость в независимой Польше.

– И вы так открыто это говорите?

– Чего же мне скрывать? Служу я честно, никакой «борьбой» не занимаюсь, в своем деле специалист. Начальство отдает должное. Неужели вы думаете, что, если мое место займет русский патриот, он станет лучше ловить польских уголовных? Ха-ха! Тут надо знать язык, национальный характер, специфику варшавского и вообще польского преступного мира. Вы, например, сведущи в этом?

– Нет, разумеется.

– И какой-нибудь Иван Иванович Иванов, трижды русский и семь раз православный, – тоже нет. Он станет исправно ходить в ваш храм, пить водку и читать Каткова. И при этом плохо ловить воров и убийц. Вам что важнее?

– Я понял вас и соглашусь. Для меня важнее, как человек делает свое дело. Пусть мечтает о старости хоть на Таити, если справляется и не совершает ничего противозаконного.

– Так это про меня!

– Хорошо, мы объяснились. Продолжите, пожалуйста, свою мысль про серьезных людей.

– С удовольствием. Только давайте, Алексей Николаевич, уж без обиняков! Нам с вами вместе служить, пусть бы и только полгода. Вместе убийц искать и, возможно, на пули ходить. Честно очертим наши позиции. Я жмуд. Это немного хуже, чем поляк, но лучше, чем русский.

– Даже так? – вскинулся Лыков.

– Для меня однозначно так, а вы, конечно, вольны думать по-своему. Ведь что особенно раздражает поляков? То, что они подчинены силой? Но в Германии и Австрии то же самое. А ненавидят более всего именно вас, русских. Почему? Потому, что здесь поляки подчинены народу много менее культурному, чем они сами.

– Вы уверены в последнем?

– Увы, да. Понимаю, насколько вам неприятно это слышать. Но мы условились говорить честно. Наличие в русском народе значительного числа образованных и порядочных людей не меняет общей картины. Зайдите в дом к поляку и русскому. Зайдите в нашу кавярню[13 - Кавярня – кофейня (польск.).] и в ваш каба́к! Понаблюдайте, как вечером, даже в праздник, когда закрываются увеселительные заведения, поляки расходятся по домам. И среди них нет ни одного пьяного. Ни одного! Представляете? Никто не горланит дрянных песен, не справляет нужду на угол дома. А если иной и совершит подобное, знайте: это ваш, русский!

Лыков хотел что-то возразить, но вспомнил рассказы агента Девяткина. И промолчал. Вместо этого он сказал другое:

– И какой, по-вашему, выход?

– Да он всего один: разойтись. Так? Лучше, конечно, полюбовно, без крови. Ее и без того пролили достаточно... Повто рюсь: здоровая часть польского общества сейчас работает над развитием производительных сил будущей страны. И уже добилась замечательных успехов. Знаете, когда вся энергия народа направлена к одной цели, успехи обязательно придут! А что будет через двадцать лет? Силы, накопленные в обществе на созидание, уже ничем не заткнуть. Поверь те. Пока же мы требуем от правительства всего четыре вещи. Первое и самое главное – равенство польского языка с русским. Далее идут суд присяжных – его нет в Царстве Польском; земское самоуправление – оно также отсутствует; и, наконец, бесцензурная печать. Неужели это завышенные требования? Вам в Тамбовской губернии можно, а нам тут не полагается? Мы что, малограмотные буряты, чтобы нельзя было доверить земства или суд присяжных? Это же сознательное унижение! Поляки – гордая и развитая нация, нас нельзя держать на положении бурят! Это плохо кончится, в том числе и для русских. Так?

– Хорошо, будем считать, что мы объяснились, – примирительно сказал Лыков. – У нас еще найдется время доспорить. А сейчас я хотел бы приступить уже к своим обязанностям. Кому необходимо представиться помимо обер-полицмейстера? Судебному следователю, который ведет дело об убийстве?

– Главная фигура – генерал Толстой. Его помощников, генерал-майора Поленова и подполковника Анзаурова, никогда не бывает на месте. Честно говоря, я не знаю, чем они занимаются. Из магистрата вам никто не понадобится, а вот в губернское правление следует наведаться. Там представьтесь двум людям: вице-губернатору Андрееву и советнику военно-полицейского отделения канцелярии Петцу. Учтите, что сей господин для вас важнее прочего начальства! Полицейскими вопросами во всех этих многочисленных инстанциях занимается он один. Губернатор ему полностью доверяет. Константин Петрович – человек умный и опытный, но с большим самомнением. Вы уж, пожалуйста, с ним поаккуратнее, не обидьте чем-нибудь, иначе вам трудно будет служить.

– Учту.

– Ну, и следователь. Убийством пристава Емельянова занимается коллежский асессор Черенков. Он следователь по важнейшим делам Окружного суда и сидит в боковом крыле здания. Это там же на Медовой, где и губернатор. Тут рядом, можно обойтись без извозчика. Полагаю, сегодня вам следует лишь познакомиться с ним и условиться о встрече на завтра.

– Согласен.

– Ну, с Медовой возвращайтесь к нам, и мы решим вопрос с вашим устройством. Управление сняло для вас приличную квартиру на Гусьей улице. Съездим, заселитесь – и отдыхайте с дороги. Так?

– А знакомство с кадром отделения?

– Уже завтра, сегодня не успеете. В пять часов пополудни вся служба в Варшаве прекращается и начинается шпацер.

– Шпацер?

– Да. Прогулка, променад. Причем массовый! Город к этому очень располагает, сами вечером убедитесь. Кстати, за час до полуночи закрываются все увеселительные заведения. Никаких круглосуточных загородных ресторанов вроде петербургского «Красного кабачка» в Варшаве и окрестностях нет. Пьяные загулы до утра, с цыганами и битьем зеркал здесь невозможны. Это к слову о нашем споре... В одиннадцать часов вечера город с трехсоттысячным

населением благополучно засыпает.

- И что, ночная жизнь отсутствует? - не поверил Лыков.

- Начисто.

- И публичные дома закрываются? Вот этого никак не может быть!

- Тоже запирают двери, будьте уверены. Кто бы им позволил?!

- Чудеса какие-то вы рассказываете... А громилы с налетчиками тоже баиньки ложатся?

- Куда? - не понял Эрнест Феликсович.

- Ну, спать.

- Взломы квартир или магазинов, конечно, случаются. А вот уличная преступность в это время отсутствует полностью. Некого грабить, все спят! Извозчики, кстати, тоже. Если пойдете сегодня на вечернюю прогулку, возвращайтесь на квартиру загодя. Не то придется пешком...

- Но в сыском отделении остается же дежурная смена?

- Один человек. Происшествия случаются регулярно - город есть город. Два-три раза в неделю бывает что-то серьезное: ограбление, например. И очень редко - убийство. Тогда все на ногах, мирная жизнь кончается. Ну, вам это знакомо... Так что мне и пану Нарбутту спать в своей постели выпадает через раз. Да, еще по агенту дежурят по ночам на каждом из четырех вокзалов. Остальные, если все тихо, в пять часов расходятся.

- Ну и ну... - пробормотал Алексей.

- Поживете у нас и тоже научитесь, - благодушно усмехнулся Гриневецкий. - Вам пора. Ступайте в губернское правление, а то рискуете не застать.

Медовая улица оказалась почти за углом. Вице-губернатор уделил Лыкову три минуты. А вот надворный советник Петц действительно поважничал, принимая командированного. Высокий, седобородый и осанистый, он более сгодился бы в роли сенатора... Но петербургский гость вел себя почтительно, попросил о содействии в трудных ситуациях, и оно было ему обещано. Расстались собеседники по-дружески.

Здание Окружного суда удивило Алексея. Огромное, с высоченной полукруглой аркой ворот, оно занимало половину Медовой. Арка украшена барельефами тонкой работы и медальонами с изящными женскими фигурами. В Петербурге так выстроили бы театр, а в Варшаве – суд...

Следователь Черенков собрался уже уходить, когда к нему явился посетитель. Лыков назвал себя и объяснил цель командировки. Особо указал, что обязан за шесть месяцев установить убийцу пристава и передать дело в суд. Чиновник ответил:

– Очень приятно. Я коллежский ассессор Черенков Вонифатий Семенович, судебный следователь по важнейшим делам. Рад! Рад, что мне в помощь прибыл, судя по наградам, опытный человек. А то ведь дело стоит! Улик никаких, и сыскное ничего не обещает.

Следователь являл собой хороший тип русака: крепкий, русоволосый, с густой бородой и внимательными, лезущими в душу глазами.

– Гриневецкий со своим батальоном сыщиков обмишурились, – продолжил он. – А возможно, и не хотят искать убийц. Там же в отделении одни поляки!

– Это серьезное обвинение, – нахмурился Лыков. – Насколько оно обоснованно?

– Вы, случаем, не полонофил? – ответил вопросом на вопрос Черенков.

– Нет. Но я хочу быть объективным.

– Все мы хотим быть объективными. Зря я, видимо, начал сейчас этот разговор: он длинный и серьезный. А мне надо уходить. Обещал сводить жену в театр... не ждал вас, простите. Но завтра готов продолжить.

Лыков взялся за треуголку.

– И я готов. Как новый человек, буду задавать много вопро сов. Когда прийти?

Черенков бросил взгляд на перекидной календарь.

– В четверть первого устроит?

– Да.

– Договорились.

Два коллежских асессора вышли вместе, но на улице разошлись. Лыков поразился: тротуары, только что полупустые, оказались вдруг заполнены людьми. Нарядно одетая веселая толпа фланировала по панели в обе стороны. На Сенаторской более сильный поток двигался к Старому Месту. Сыщику требовалось обратно в ратушу, и он не без труда пробирался среди варшавян. Ничего подобного в других городах, даже в столицах, он не видел. В Тифлисе любят погулять, но там не таклюдно. А тут! Словно где-то открыли запруду, и полилось... Сама толпа тоже казалась ему необычной. Ни одного мастерового в фартуке, оборванца в опорках или крестьянина с оглоблей под мышкой. Все аккуратно и щегольски одеты, вежливы и любезны. Приглядевшись, Алексей обнаружил, что люди вокруг были отнюдь не из высших слоев. Средний класс и те, кого на Руси именуют «простой народ»: ремесленники, рабочие, мелкие факторы. Но как разительно они отличались от питерщиков и тем более от нижегородцев! Воротник у сорочки хоть и бумажный, но свежий. Обязательно галстук и шляпа. Обувь начищена, усы расчесаны на барский манер. Издали посмотришь и решишь, что идет приват-доцент, а не ученик столяра. Ай да шпацер!..

Еще Лыкову бросилось в глаза обилие русских военных. Их фуражки были повсюду. Множество офицеров и нижних чинов толкалось на тротуарах. Они курили, глазели на прохожих, некоторые пытались разговаривать с поляками. Варшавяне отвечали холодно-вежливо, старались пройти мимо и порой даже не скрывали своей антипатии. Вся улица как бы незримо делилась на хозяев и гостей. И гостям тут были совсем не рады.

Шумный поток донес Лыкова до ратуши. Там уже было пусто. Только Гриневецкий одиноко заседал в кабинете, поджидая своего помощника. Не теряя времени, сыщики загрузились в дежурную пролетку и уехали из присутствия. Сначала отвезли начальника отделения. Тот жил на престижной окраине, на дальнем конце Маршалковской, возле знаменитых Лазенок. Эрнест Феликсович по дороге исполнил роль чичероне и показал новичку достопримечательности. Экипаж нарочно двигался длинным путем, через Новы Свят, Уяздовскую аллею и Мокотовскую заставу. У ворот небольшого уютного особняка полицейские расстались, договорившись увидеться завтра в десять. Обратной возница по просьбе Алексея повез его другой дорогой. Пролетка проехала насквозь всю Маршалковскую, обогнула Саксонский сад и через Соборную площадь, Вербовую и Налевки выбралась на Гусью улицу.

В четырехэтажном доходном доме новой постройки Алексея уже ждали. Элегантный конторщик, похожий на разорившегося графа, провел нового жильца на третий этаж. В квартире обнаружилось все необходимое. Комнат было три: спальня, гостиная и кабинет. Приличная мебель, небольшой набор посуды (закусочной и для чая), газовое освещение. Лыкову понравилась ванна из полированной меди с тремя кранами[14 - Горячая вода, холодная и слив.]. А бронзовый ватерклозет с крышкой из палисандрового дерева просто поразил – такие до Петербурга еще не добрались!

Керовника[15 - Керовник — конторщик, управляющий (польск.).] звали пан Влодзимеж. Вместе с ключами он дал постояльцу и необходимые пояснения. Кофе и горячие булки можно получать утром у покоювки (горничной по этажу). Обедать и ужинать проще всего в кухмистерской, что помещается в этом же доме. Жильцам в ней предоставляется десятипроцентная скидка. Чай варшавяне не пьют, но русскому квартиранту могут, по его просьбе, доставлять отварную воду. Свечи и всякие мелочи – у той же горничной, более серьезные вопросы – к керовнику.

Пан Влодзимеж был вежлив и услужлив, говорил по-русски с приятным акцентом, да и само жилье Лыкову понравилось. С той стороны улицы в окна смотрелись такие же новые дома непривычной архитектуры. Еще доносился шум вечерней жизни большого и веселого города. Сыщика подмывало быстрее обустроиться и выйти наружу, окунуться в эту незнакомую манящую жизнь. Он вручил конторщику два безжалостно смятых рубля. Тот принял их, словно сеньор – подношение от вассала (ох уж эти поляки...).

Алексей наскоро разложил вещи, переменял надоевший мундир с орденами на модный сюртук. Его била приятная дрожь нетерпения. Так бывает, когда приезжаешь в новый значительный город и начинаешь изучать его с белого листа. Что взять с собой в первую вылазку? Алексей прихватил складную карту Варшавы. В бумажнике оставил сто рублей разными купюрами, остальные деньги убрал в потайной ящик, что показал ему пан Влодзимеж. Туда же легли два револьвера, запас патронов к ним и полицейский билет. Подумав, коллежский асессор вернул билет в карман сюртука. Мало ли? Незнакомый город, в котором его никто не знает... Все, пора выходить!

Лыков уже решил, что в свой первый вечер в Варшаве он погуляет допоздна. Собственно, парадная часть города не так и велика. Скорее всего, за шесть месяцев ему все тут надоеет, особенно если жить без семьи. Но первые впечатления – самые вкусные, и хотелось насладиться ими в полной мере. Лыков решил прогуляться от Старого Места до Нового Света. По пути выбрать заведение и отужинать. Обедать ему сегодня не пришлось, поэтому аппетита было на двоих. Улыбаясь в предвкушении удовольствия, Алексей запер квартиру, сбежал вниз, представился там незнакомому швейцару и вышел на улицу.

Бойкая толпа подхватила сыщика и понесла. Через Гусью и Налевки он вскоре вышел к Красинскому саду и тут надолго застрял. Сотни горожан самого обывательского вида заняли все скамейки. Они сидели семьями: дети играли в мяч или обруч, пан читал газету, а пани вязала. Такие же группы слонялись по аллеям и толпились вокруг киосков. Киоски эти более всего удивили Лыкова. В парке их было несколько, и они притягивали варшавян как магнитом. За прилавком стояли молодые девушки, все очень красивые. Они ловко разливали зельтерскую, содовую и пиво, отвешивали мороженое, выдавали сдачу и не забывали при этом приветливо улыбаться. Встретив первую такую красотку, сыщик не удержался и купил у нее воды. Но через двадцать саженей ему попался второй киоск с барышней еще милее. А за ним маячил третий, в котором хозяйничала совершенная красавица... Больше ничего Алексей брать не стал, а только разглядывал диковинную для русского глаза картину.

Ему неоднократно приходилось присутствовать на так называемых народных гуляньях – и по службе, и в качестве зрителя. Там тоже было празднично и люди веселились от души, но полиция к вечеру выбивалась из сил. В какой-то момент – и это было неизбежно – толпа начинала «шалить». То тут, то там вспыхивали пьяные драки, иногда кончавшиеся поножовщиной. Множество людей, и не

только мужчин, но и женщин, напивались до утраты человеческого вида... Кто-то жарит на гармошке, кто-то орет дурным голосом, воображая, что поет; третьего выворачивает прямо на соседей. Кругом отвратительные рожи, и все это на глазах у детей...

Варшавский шпацер оказался совсем другим. Несмотря на будний день, в аллеях парка витало ощущение праздника. Никто не говорил барышням за прилавком сальности. Толпа отдыхала как-то уютно и доброжелательно. Люди не мешали друг другу, не спорили за место. Пан, случайно задевший соседа, учтиво приподнимал шляпу и извинялся – а оба из мастеровых. К женщинам же отношение было самое уважительное и галантное.

И ни одного пьяного вокруг...

Лыков прошел парк насквозь и вышел к дворцу Красинских. Он знал из путеводителя, что это давно уже казенное здание. Двухэтажное, со статуями на невысоком фронте, оно не претендовало на особое изящество. Но глазу приятно. Таких дворцов немало в Варшаве. Лишенные петербургской державности, они делали город уютным и красивым. Алексей поглазел на статуи и продолжил путь. Пройдя одноименную площадь с чугунным бассейном посреди, он оказался на Долгой улице. По ней в несколько рядов катили экипажи с нарядными варшавянами. Сыщику требовалось перейти на другую сторону, но поток был очень плотным. Стоило, однако, поставить ногу на мостовую, как все коляски разом остановились. М-да... По-русски торопливо Лыков перебежал улицу, за ним неспешно шли поляки.

По знакомым уже Медовой и Сенаторской Алексей вышел на Замковую площадь и замер, любясь. Она имела совершенно европейский вид. Так, наверное, выглядит Париж или Вена, в которых сыщик не бывал. Прямо – королевский замок, слева – узкие улочки старого города, справа – громада костела Святой Анны и живописная перспектива Краковского Предместья. Посреди площади стояла высокая колонна с чьей-то статуей. Лыков справился по карте – статуя оказалась Сигизмунда Третьего.

Было восемь часов пополудни, но темнеть и не думало. Алексей прогулялся по площади, осмотрел снаружи замок и решил отложить Старое Место на потом, а сейчас прогуляться до Нового Света. Но сначала требовалось поужинать. В животе уже урчало... Осмотревшись, новоиспеченный варшавский житель сразу увидел дюжину кавярен и рестораций. В кавярнях, он знал это, не едят, а только

пьют кофе и закусывают. Ему же хотелось основательно подкрепиться. Хорошее заведение под названием «У Владека» обнаружилось на углу Мариенштата. Все вывески в Варшаве были на двух языках: сначала на русском, а ниже на польском. Войдя в ресторан, турист заявил, что мечтает отведать замечательной местной кухни. Важный метрдотель тут же подозвал не менее осанистого официанта, и они вдвоем принялись помогать гостю сделать заказ.

Лыков до того, как разбогател, часто питался в Петербурге в польских столовых. Недорогие и очень чистые, они процветали в столице. Но сейчас сыщик решил основательно познакомиться с изысками, а не налегать на привычные фляки. Обоим панам это желание пришлось по душе. К подбору блюд стороны отнеслись необыкновенно серьезно. Трое взрослых мужчин долго обсуждали достоинства того или иного кушанья и даже вызвали для справок повара. В итоге сложился следующий ужин. Открыл его суп с рубцами, дальше следовал заяц по-польски в сметане, и на десерт – ламаньцы с маком и кофе. Под мясо Алексей попросил графинчик гожалки[16 - Гожалка — польская водка.].

Еда вся оказалась необыкновенно вкусной и укрепила в сыщике симпатии к Варшаве. Трапезничая, он наблюдал за публикой. Зал был полон, но для нового гостя всегда обнаруживался свободный столик. Преобладающим элементом оказались немцы, за ними шли русские, поляков насчитывалось меньше всех. В углу пили пиво два пожилых респектабельных еврея. Атмосфера в ресторации дышала негой и благодушием.

Коллежский ассессор уже допивал взятый на посошок стакан польского меда, когда вдруг это благодушие разом закончилось. Три русских офицера, сидевшие напротив, и без того были основными поставщиками шума. Не то чтобы они кричали, но разговаривали между собой излишне громко и бесцеремонно. Особенно выделялся смазливый штабс-капитан в мундире корпуса пограничной стражи. Он махал руками и что-то доказывал двум молодым пехотным поручикам. Как выяснилось, спор шел о польских женщинах. Неожиданно штабс стал на все заведение крыть их непечатной бранью. Тут же в зале повисла неприятная тишина, но офицер и не подумал понизить голос. Тогда от соседнего столика повернулась красивая пани лет тридцати и сказала скандалисту:

– Как вам не стыдно! А впрочем, чего ждать от русского...

– Па-а-звольте! – рявкнул пограничник. – Я Россию в обиду не дам!

И, вскочив, сорвал салфетку и направился к польке.

Алексей понял, что ему придется вмешаться. Пьяный соотечественник вызывал чувство стыда и омерзения. Но три офицера при оружии, подвыпившие... Для кельнеров они представляли силу, с которой страшно спорить. Известно, что пьяные вояки иногда пускали в ход шашки. Поэтому заступников для дамы можно было и не дожидаться. А если и найдется смельчак, то он очень рискует.

Между тем скандал разгорался. Смельчак сыскался тут же. Сидевший рядом с пани высокий седовласый поляк поднялся и внушительно сказал штабс-капитану:

– А я не позволю пьяному русскому быдлу оскорблять даму!

Голос у седовласого был густой и впечатляюще спокойный, а в поведении угадывался твердый характер. Мужчина совершенно не боялся офицеров и собирался достойно защитить свою спутницу.

Штабс-капитан осекся. Он постоял несколько секунд в нерешительности, но потом нахмурился и положил руку на эфес шашки. Поручики вскочили, готовые поддержать товарища. Тут вышел Лыков и встал между поляком и офицерами.

– Это как понимать, господа? Трое вооруженных на одного безоружного? Храбрецы... Так-то вы защищаете честь России? По-моему, вы ее сейчас бесчестите.

Седовласый сзади крепко взял Лыкова под локоть и сказал столь же внушительно:

– Благодарю вас, но я в защитниках не нуждаюсь. Отойдите и дайте мне кончить начатое.

Но офицеры уже переключили внимание на Лыкова. Особенно их возмутило, что русский заступился за поляка.

- Это всякая штафирка... русскому офицеру... да я... паршивого пана на место ставить не позволяют?!

Тут Алексей левой рукой взял одного поручика за ремень, а правой, сдвинув вплотную друг к другу, цапнул второго поручика и штабс-капитана. Одним хватом обоих. Оторвал от пола на четверть[17 - Четверть (четверть аршина, или 4 вершка) = 17,8 см.] и пошел с ними к выходу.

В зале все опешили. Кельнеры, разинув рты, расступились. Притихли и буяны, почувствовав себя на воздухе...

- Сколько они вам должны? - буднично поинтересовался Лыков, проходя мимо метрдотеля.

- Э-э... шесть рублей сорок копеек.

- Пройдите с нами на крыльцо. Офицеры хотят рассчитаться.

Коллежский ассессор без видимых усилий вынес всех троих на улицу и аккуратно поставил на ступеньку. Потом приблизил лицо к штабс-капитану и сказал вполголоса:

- Расплатитесь, и чтобы духу вашего здесь не было.

- Но...

- Скручу в бараний рог.

Вид у Лыкова был грозный. Да и сбежавшаяся обслуга являлась для офицеров ненужными свидетелями унижения. Поэтому штабс-капитан молча сунул семь рублей метрдотелю - тот застыл рядом с напряженным лицом, и буяны торопливо удалились.

– Благодарю пана! – чопорно поклонился распорядитель Алексею. – Будьте, пожалуйста, впредь нашим гостем!

Тут на крыльцо вышли седовласый поляк и его спутница.

– Это новость! – склонила голову красавица, с любопытством разглядывая сыщика. – Не все, значит, русские одинаковы?

– В любом народе есть и хорошие люди, и плохие. Примите мои извинения за поведение соотечественников.

– А вы – нашу благодарность.

– Только вашу. Убежден, что ваш спутник справился бы сам. Он... настраивает на серьезный лад. Еще неизвестно, кого я спас.

Поляк при этих словах улыбнулся и молча протянул сыщику руку. Тот пожал ее и впервые внимательно взгляделся в лицо седовласого господина. Завидя это, пан приподнял шляпу, развернулся и пошел прочь. Так же молча, не говоря ни слова. Дама сказала торопливо:

– Меня зовут пани Малгожата.

– Лыков Алексей Николаевич. А...

Договорить он не успел: дама подмигнула ему и бросилась догонять своего спутника.

История на этом не закончилась. Сыщик тоже расплатился и продолжил прогулку. Когда он дошел до ближайшей подворотни, там его поджидали. Три офицера обступили Лыкова.

– Вы, надеюсь, дворянин? – вышел вперед штабс-капитан. – Моя фамилия Сергеев-третий. Извольте представиться!

– Коллежский ассессор Лыков. Что имеете сообщить?

– После всего случившегося, и по вашей вине... Согласитесь, никто не тянул вас силком в свару! Вот... Просто так вам теперь уйти не удастся. Вы обязаны дать нам удовлетворение. Будете знать, как оскорблять офицеров! Итак, спрашиваю: куда мне прислать секундантов?

Штабс-капитан почти протрезвел. Замешательство от неожиданной встряски прошло; он готов был мстить за допущенную слабость. Опять же не имелось и свидетелей. Здесь, в Польше, офицерство представляло могучую касту, с которой никто не решался связываться. Все это понимали, в том числе и Сергеев-третий. В покоренной стране, где власть держалась на штыках, золотым погонам прощалось все. Вызов гражданского чиновника на дуэль сразу тремя офицерами означал для него смертельный риск. Если же уклониться, можно получить оскорбление действием – и тогда дуэль неизбежна. Или позор... Негодяи это знали и довольно ухмылялись. Все преимущества, казалось, были на их стороне. А объяснения в случае чего они придумают, и к своей пользе: три голоса против одного.

Лыков был раздосадован. В первую же прогулку по Варшаве вляпаться в историю! Вот ведь угораздило... И побить этих полудурков нельзя – все ж на них погоны русской армии. По закону он должен вызвать городского, чтобы тот составил протокол. И как теперь это сделать? Если же тронуть любого из офицеров хоть пальцем, скандал необратим. Их потом исключат, вероятно, из службы. Но и Лыкова срочно выкинут из Варшавы. И не факт, что вернут в Петербург! Могут засунуть помощником исправника в Среднеколымск, «пока скандал не забудется». А когда шум уляжется, забудут и об Алексее.

– Ну что, милатадарь? Долго будем молчать? – повысил голос штабс-капитан. – Напугались? А раньше надо было думать! Как русскому офицеру, – тут он назидательно вознес к небу указательный палец, – дерзить! Теперь со всем варшавским гарнизоном придется объясняться, а не только с нами тремя! мать твою так...

Коллежский ассессор не выдержал. Мгновенно он затолкал противников в ближайšie ворота. Навстречу сунулся было дворник, но сказать ничего не успел. Со словами «Погуляй пять минут!» Лыков выставил его на улицу и повернулся к офицерам. Те еще хорохорились: им казалось, что сейчас последуют униженные извинения.

– Вот!

Сыщик вынул из кармана серебряный рубль, покрутил перед носом штабс-капитана, а потом порвал его пополам, словно картонный. Буяны замороженно уставились на его пальцы, с виду совсем обычные.

– Слушайте внимательно, дурни. Я сейчас отлуплю вас, всех троих. Как Сидоровых коз. Без картелей и прочих глупостей. Ногами! Так, что зубы свои будете в горсть собирать! Потом отниму сабельки и снесу генерал-губернатору Гурко. Доложу там, как все было. Полагаю, его высокопревосходительство заинтересуется и захочет опросить прислугу из ресторана. Понятно, что они расскажут... После этого решение Гурко предугадать несложно. Так же, как военного министра и государя. Ась? Не сложно я говорю? Согласны или как? Миластадари...

Офицеры слушали Лыкова с напряженным вниманием – уж очень он был убедителен.

– Так вот. Меня поблагодарят тихонечко за службу и уберут, но недалеко и ненадолго. А вот вас...

Сыщик мечтательно поглядел вверх, словно там его взору открылась картина последующих событий.

– Когда вы, без личного оружия, с побитыми мордами, предстанете перед генерал-губернатором... Зная его нрав... Хм! А уж что скажет варшавский гарнизон, услышав, что три дурака в погонах получили банок от одного статского, – это вам виднее.

Алексей взял поручиков за плечи и приставил их с боков к штабс-капитану. Будто примерялся, как удобнее их бить, всех троих разом. Офицеры побледнели и попытались отстраниться, но у них не получалось. В ярости Лыков сжал их до хруста костей и держал крепко.

– Козлы драные! Позор русской армии! Где вы были, когда я на Кавказе с турками рубился? Меня, георгиевского кавалера, на дуэль? С кем, с вами? Щенки! Такая честь лишь солдатам. А вы – ресторанные хамы и оскорбители женщин. С такими у меня разговор другой – зубы на выход!

Последнюю фразу сыщик крикнул уже в лицо офицерам. Стиснул их изо всех сил, так что те закричали от боли, и разжал руки. Глянул волком и сказал только одно слово:

– Вон!

Толкая друг друга, сильно напуганные, вояки кинулись к выходу и мгновенно исчезли. С улицы опасно заглянул дворник.

– Можно! – разрешил Лыков.

Сняв картуз, поляк зашел во двор и огляделся.

– Ничего не сломали, – успокоил его Алексей. – Ан нет, вру! Рубль-целковый повредили. Подбери и снеси в банк, там поменяют. Вон валяется.

Дворник опустился на колени, подобрал половинки монеты и стал их разглядывать.

– Не розумем, пан, як то...

Поднял голову, но странного русского рядом уже не было.

Лыков вышел и осмотрелся. Офицеры быстрым шагом, почти бегом удалялись в сторону Замковой площади. Сыщика это устраивало. Он решил прогуляться по Краковскому Предместью и от Новы Свята вернуться домой на извозчике. Сейчас коллежский асессор находился в самом начале проспекта, напротив костела Святой Анны. Он двинулся по четной стороне, восхищаясь увиденным. Краковское Предместье – это Невский проспект польской столицы, здесь лучшие особняки, университет, костелы. Очень скоро турист оказался возле Дворца Наместника. Большое трехэтажное здание, отставленное вглубь, соединялось с красной линией двумя корпусами, покоем[18 - То есть в форме буквы «П»]. Во дворе находился памятник фельдмаршалу Паскевичу-Эриванскому. Вынув карту, Лыков прочитал ссылку. Оказалось, что наместник здесь квартировал всего один, польский генерал Зайончек; это было шестьдесят лет назад и продолжалось недолго. Самый большой из варшавских дворцов давно перешел в

разряд административных зданий, а имя наместника носил лишь по старой памяти...

Подивившись, гость пошел дальше. То и дело он справлялся с картой, читая о достопримечательностях. Один за другим попадались живописные шляхетские дворцы: Казимировский, Тышкевичей, Урусских, Весслов, Потоцких, Чапских, Гнесинских, Браницких, Четвертинских... Гостиница «Европейская» заманивала швейцаром в ливрее, похожей на камергерский мундир. Императорский университет и костел Святого Иосифа, шикарные магазины и рестораны – все это производило сильное впечатление. А еще варшавяне, веселые, нарядные и легкомысленные, очень радовали глаз после чопорного Петербурга. По улицам непрерывным потоком катили экипажи с красивыми дамами и их щеголеватыми спутниками. На каждом углу – уже знакомые Лыкову киоски с симпатичными барышнями-продавщицами. Тут и там сновали крикливые разносчики газет. Лыков знал, что эти ежедневные газеты называются в Варшаве курьерками, их всего три, и они очень популярны. Поскольку курьерки выходят на польском, Алексей тут же набрал их: он решил вечерами изучать язык.

Наконец коллежский ассессор дошел до собора Святого Креста, возле которого Краковское Предместье переходит в Новы Свят. Он заглянул в храм и молча поклонился той из колонн, в которой замуровано сердце Шопена. Обещал сделать это Вареньке, любившей великого поляка... Выйдя наружу, Лыков почувствовал, что устал. Пожалуй, на сегодня хватит впечатлений. Он поднял руку, сел в тут же подъехавшего извозчика и отправился на квартиру.

Глава 4

Начало розыска

Утром, распивая привезенный из дома чай, Лыков вспоминал вчерашние беседы. Странно! Для здешних полициантов он вроде бы ревизор, которого надо ублажить и побыстрее сплавить обратно. А они сразу лезут с разговорами о «польском вопросе». И не боятся напугать столичного гостя! Но ведь он, вернувшись, может написать нелестный рапорт начальству. Видно, этот пресловутый вопрос, как ржавчина, разъедает все в крае. От него не спрячешься, даже если ты временно командирован. И люди вокруг сразу

обозначают себя и пытаются прощупать, на чьей ты стороне.

Еще было странно удивительное единение поляка, жмуда и русского генерала. Все спели на мотив русской вины. И хором сообщили собеседнику, что русские стоят ниже поляков в культурном отношении. Это было неприятно. Еще неприятнее было вчера убедиться, что в их словах много правды. Начиная с пейзажа в окне вагона и кончая шпацером, польская жизнь смотрелась чище и красивей. Толпа! Она поразила Лыкова сильнее всего. Натуральная Европа! А еще мелочи, рассыпанные повсюду. Прибранные улицы, цветы на подоконниках, асфальтовые мостовые... Из людей так и прет воспитание. А гнусный эпизод, отравивший вчерашний вечер, связан с нашими офицерами. Неужели поляки правы, низводя нас до уровня дикарей? И как же мы их подчиним, если так думает вся нация? Разве удержишь в узде девять миллионов недовольных?

Лыкову не хотелось чрезмерно посыпать голову пеплом. Так ли безгрешны поляки? Их гонор и хвастовство вошли в империю в поговорку. А кровавые расправы повстанцев с попавшими в их руки нашими солдатами! А многолетний шпионаж в пользу Англии или Германии! А порабощение и окатоличивание белорусских крестьян! А смехотворное изобилие дворян – их в Польше каждый пятый! Любой бездельник, не желающий трудиться, объявляет себя потомственным шляхтичем со всеми сословными привилегиями... Нет, он не станет спешить с выводами. И тем более о «русской вине». Она, конечно, имеется – но что дальше? Наша вина есть, а польской нет? Так не бывает. Надо слушать, не принимать ничего на веру, решать самому. А для этого требуется время.

В десять часов утра наличный состав варшавской сыскной полиции выстроился в коридоре.

Гриневецкий представил людям Лыкова и сделал короткое заявление:

– Чиновник Департамента полиции у нас временно. Он будет заниматься конкретным делом – розыском убийц пристава Емельянова. Прочая текущая жизнь отделения касается господина Лыкова скорее как инспектора. Ему поручено составить рекомендации для улучшения нашей службы. Он человек опытный, и его советы лично я изучу с большим вниманием... Приказываю оказывать моему новому помощнику всю необходимую помощь, по первому

запросу, невзирая на занятость.

После этого разъяснения Эрнест Феликсович ушел к себе. Знакомство с кадром продолжил его постоянный помощник титулярный советник Нарбутт. Настоящий аристократ! Сорокалетний брюнет с холеной эспаньолкой, медальным профилем и холодным взглядом, он отнесся к Лыкову строго официально. По поведению агентов было видно, что Витольд Зенонович пользуется непререкаемым авторитетом. Алексей держал себя с ним тоже сухо, но уважительно. Служба покажет...

В сыскальной полиции служило двадцать восемь человек. Во всех агентах есть нечто общее: незаметные, на вид заурядные – взгляду не за что зацепиться. Такими же оказались и варшавяне. Лыкову они понравились. Почти все из отставных унтер-офицеров, один даже фельдфебель. Двое побывали на турецкой войне. От русских сыщиков поляков отличало только щегольство. Треть населения Варшавы – евреи, и несколько служило и в составе отделения. Они выделялись своими живыми, хитрыми физиономиями. Особенно колоритным был Шмуль Сахер, громогласный и веселый. От его бойких находчивых ответов все покатывались со смеху.

После агентов представились два делопроизводителя, важные паны в возрасте. В конце шеренги стоял единственный русский. Это был молодой парень немного несуразной наружности, с большой головой и задумчивыми глазами. Он назвался:

– Канцелярский служитель второго разряда, не имеющий чина Иванов.

– А почему он без чина, Витольд Зенонович? – спросил Алексей у Нарбутта.

– Нет вакансии, – ответил он и посмотрел на младшего письмоводителя со значением; тот промолчал.

– Мы условились с начальником отделения, что я выберу себе помощника.

– Эрнест Феликсович говорил мне об этом. Вы хотите именно Иванова?

– Да.

Парень стоял внешне безразличный, но было видно, как он волнуется.

– Хорошо. Иванов! Вы назначаетесь ассистентом коллежского асессора Лыкова на время его командировки, – официально объявил Нарбутт. Потом повернулся к Лыкову и впервые улыбнулся:

– Именно так мы и предполагали!

– Спасибо, Витольд Зенонович. Вы правы, хочется работать с соотечественником. Ну-с, господин Иванов, а как вас по имени-отчеству?

– Егор Саввич.

– А меня Алексей Николаевич.

Лыков протянул своему новому помощнику руку, и тот, помедлив секунду, пожал ее.

– С этой минуты ваша служебная деятельность будет определяться только моими указаниями.

– Слушаюсь!

– По завершении совещания поднимемся в мою комнату и определим план ближайших действий. Будем искать убийц!

Но совещание закончилось, не начавшись. В кабинет Гриневецкого прошмыгнул городской с красным лицом – запыхался от бега. Яроховский с Нарбуттом обменялись понимающими взглядами. Действительно, надворный советник вскоре вышел в коридор.

– Господа, у нас труп!

– Где, кто? – лаконично осведомился Нарбутт.

– На свалке под Доброй улицей. Зарезанный офицер. Всю ночь пролежал.

– Офицер? – ахнули поляки и почему-то посмотрели на Лыкова.

– Увы, – подтвердил Гриневецкий. – Этого нам только не хватало. Алексей Николаевич, вы едете с нами. Вдруг тут какая-то связь?

– Да, конечно. Но в четверть первого меня ждет следователь. Надо послать кого-то предупредить...

– Иванов! – повернулся к подчиненному Эрнест Феликсович. – Ступайте в Окружной суд, найдите там следователя Черенкова...

Но Лыков перебил начальника отделения:

– Егор Саввич едет с нами.

– Какой еще Егор Саввич? – опешил Гриневецкий.

– Господин Иванов. Как мой помощник, он должен стоять вблизи расследования.

– Ах да, я и не сообразил. Разумеется, ваш помощник едет с нами.

– Я пошлю в суд курьера, – предложил Яроховский.

– Сделайте одолжение, Франц Фомич. Остаетесь в отделении за старшего. А вы, господа, за мной!

Полицейские набились в пролетку. Широкий в кости Гриневецкий совсем припер Нарбутта к стенке. Лыков тоже был в плечах будь здоров и также изрядно стеснил своего ассистента.

По Новосенаторской и Трембацкой экипаж выехал на Краковское Предместье и покатил на юг. У Соборной площади свернул на Каровую, и пейзаж сразу изменился. Вчера Лыков здесь не ходил! Будто они перенеслись как по волшебству из Варшавы в московскую Хапиловку. Всюду грязь, горы неубранного мусора, дома-развалюхи и бедняки в лохмотьях. Где же нарядная и веселая публика с проспектов? Вместо нее – унылые и пришибленные голодранцы. Опытный глаз Лыкова замечал и «деловой элемент». Воры и

мазурики, завидев полицейских, торопливо скрывались в переулках. Как их много! Появились и пьяные, тоже поляки. Изнанка столицы оказалась неприглядной. Нарбутт увидел, какое впечатление она произвела на Алексея, и пояс нил:

– Самое опасное место на этом берегу Вислы. Хуже только в Праге.

Не имеющий чина хотел что-то возразить, но передумал.

Пролетка по разбитой дороге медленно спускалась к реке. Наружность прохожих делалась все отвратительнее. Когда пересекли Добрую, Лыков ахнул: ну, чистая Сретенка! Такой же длинный остов улицы-позвочника с торчащими в обе стороны переулками-ребрами.

Проехали водозаборную станцию и остановились на берегу. Чуть ниже трубы, у самой воды раскинулась огромная зловонная свалка. Куда смотрит городская управа? Нигде еще Алексей не видел такого вопиющего нарушения санитарных норм. В Петербурге одна из двух столичных свалок тоже расположена у Невы. Но не около же водозабора!

Возле одной из куч столпились люди: помощник пристава, двое городских, фотограф с треногой и доктор с чемоданчиком. Рядом стояла закрытая карета-труповозка. Лыкова удивило отсутствие толпы зевак. Обитатели свалки, наоборот, попрятались. Лишь какой-то оборванец мирно спал неподалеку на заботливо подстеленных листах толя.

– Вон побежали! – дернул начальника за рукав Нарбутт.

– Где?

– Да уж скрылись! На Густую завернут, там у них притон.

– Узнали кого, Витольд Зенонович?

– А как же! Рафал Васютынский со своей хеврой. Шесть человек, все в сборе. Зданек Дыня сильно хромает, его под руки ведут.

– Это шайка грабителей, что работает от свалки, – пояснил Алексею Гриневецкий. – Так, второй сорт. Не до них сейчас.

Полицейские вылезли из пролетки и подошли к труп. Начальник сысской полиции представил Лыкова:

– Мой новый помощник. Временный, для ускорения розыска убийц Емельянова.

Фотограф и доктор, оба поляки, молча переглянулись. Помощник пристава, долговязый русак-подпоручик, пробасил:

– Давно бы так! Третий месяц уже, как приткнули человека, и никаких концов... Тут у нас, Эрнест Феликсович, тово... опять...

– Показывайте.

Городовой сдернул рогожу, и Лыков увидел своего вчерашнего недруга. Штабс-капитан пограничной стражи лежал на боку. Скрючившись, он сжимал в охапку собственные внутренности, вывалившиеся из распоротого живота. Мундир и шаровары задубели от крови. Гримаса невыносимой боли исказила лицо убитого, но это был он, скандалист из ресторана.

– Доктор?

– Рана очень жестокая, но какая-то неумелая. А может, нарочно так сделали, чтобы дольше мучился? Его держали за руки, когда резали. На запястьях остались следы... Офицер умирал несколько часов.

– Где? Здесь, на свалке?

– Так точно, Эрнест Феликсович, – встрял подпоручик. – Вон сколько крови натекло.

– И никто не слышал стонов? Вокруг ночуют десятки людей.

– Кто станет связываться с полицией? Они же все без видов. Ишь как попрятались, расканальский народ!

– Витольд Зенонович, вызывайте агентов и начинайте поиск свидетелей, – распорядился надворный советник. – Никого не пугайте, ногами не топайте, будто бы вы просители. Понадобится – дайте полтину опохмелиться. Пусть только честно расскажут, что видели или слышали. Должны были, если этот несчастный мучился тут полночи. Кто-то его сюда привел! Или привез. И этого кого-то могли запомнить.

– Слушаюсь.

– В карманах что-нибудь нашли? – вновь обратился к помощнику пристава Гриневецкий.

– Нет. Их вывернули до нас.

– Убийца?

– Может, и он, но скорее здешние. Дождались, когда кончился, и обчистили.

– Это запросто, – согласился Нарбутт. – Но если так, опрос ничего не даст. Тот, кто обшарил покойника, не сознается. А мазурики его не выдадут.

– Надо обойти местные питейные заведения, – предложил Лыков. – Вдруг кто посреди ночи пришел часы пропивать?

– У нас, Алексей Николаевич, посреди ночи все питейные закрыты, я вам вчера это объяснял, – терпеливо возразил Гриневецкий.

– Даже низкого пошиба?

– И низкого, и высокого.

– И подпольных кабаков нет? И «мельниц», где уголовные в карты играют? А скупщики краденого тоже по ночам спят? Не поверю, извините!

– Алексей Николаевич прав, – сказал Нарбутт. – Я оставлю на свалке одного агента. Пусть ходит, спрашивает. Больше для очистки совести, чем в ожидании

пользы. А сам с ребятами прочешу Добрую и переулки. Вдруг да зацепим!

- Личность убитого пока не установили? - спросил у подпоручика Гриневецкий.

- Офицеры паспортов не имеют. По мундиру судить, так он из Александровской бригады пограничной стражи. Надо им телеграфировать.

- Его фамилия - Сергеев-третий, - неожиданно для всех пояснил Лыков.

Состоялась немая сцена. После длинной паузы надворный советник спросил:

- Это ваш знакомый? Но откуда? Вы в Варшаве неполный день!

- Я познакомился с ним вчера в ресторане «У Владека».

- На углу Краковского Предместья и Мариенштата?

- Да.

- Вы обедали вместе, если знаете его фамилию?

- Не совсем так. Я зашел поесть, а штабс-капитан уже был там. Не один, а с двумя пехотными поручиками. Все трое напились и устроили дебош. Мне пришлось вмешаться.

Нарбутт почему-то так разволновался, что даже взял Лыко за под руку.

- Что же вы предприняли?

- Вывел их на улицу.

- Один - троих? И они пошли с вами?

- Ну... они сначала не хотели выходить. Поэтому пришлось их вынести.

– Это как? – опешили варшавские сыщики.

– В левую руку я взял одного поручика... она у меня послабее, а в правую – второго поручика и штабс-капитана. Потом поднял в воздух и вынес на крыльцо, где и поставил.

– И они позволили это с собой проделать? – недоверчиво спросил Витольд Зенонович. – Не сопротивлялись?

– Нет, все обошлось исключительно спокойно.

Гриневецкий не поверил другому.

– Одной рукой вы ухватили и подняли двух взрослых мужчин? Позвольте... хм... позвольте усомниться... я извиняюсь, но... это и технически невозможно, и вообще!

– Конечно, просто взять невозможно. Для этого мне пришлось их сгрудить. Вот так.

Алексей легонько подтолкнул надворного советника к его помощнику, ухватил их правой рукой за пояса и оторвал от земли. Ремень на грузной фигуре Гриневецкого тут же затрещал, и Лыков поспешно поставил сыщиков на землю.

Эрнест Феликсович в крайнем замешательстве уставился на питерского гостя. Тот счел нужным добавить:

– Офицеры сопротивления не оказали, расплатились и ушли.

– В форме и при оружии... – пробормотал Нарбутт. – В Варшаве никто из поляков не решился бы возразить им. Слишком опасно. В позапрошлом году пьяный драгун зарубил насмерть кельнера на Панской. В прошлом отсекли ухо владельцу кавярни в саду Фраскати. И все безнаказанно. Генерал-губернатор Гурко вывел русских военных за рамки правосудия.

Гриневецкий пояснил сочувственно:

– Витольд Зенонович был начальником сыскного отделения почти шесть лет. И снят за ссору с офицером. Спасибо, пришел новый обер-полицмейстер генерал Толстой. Он справедлив к полякам. И сумел оставить господина Нарбутта на службе, но в низшей должности.

Тут опомнился помощник пристава.

– Позвольте! Три офицера при саблях – и ушли от штафирки? Ну, в смысле, от партикулярного человека. Это что за офицеры? Так не полагается! И фамилия... Вы не пояснили, откуда узнали, что этот вот – Сергеев-третий.

– Вы правы, там было продолжение. Из ресторации буяны действительно ушли без скандала, но поджидали меня на улице. Я вышел – они стоят. И... штабс-капитан вызвал меня на поединок. Тогда-то я и узнал его фамилию.

Гриневецкий взмахнул руками.

– Дуэль? Вы получили форменный вызов?

– Еще какой! Мне обещали, что драться придется со всем варшавским гарнизоном! Поскольку я-де нанес оскорбление русскому военному мундиру в присутствии поляков.

– И что было дальше? – вскричал Витольд Зенонович. – Трое на одного, да еще и гарнизон приплели?

– Да ладно, – усмехнулся Алексей. – Кучей на одного лезут только трусы. Они не опасны.

– Русские офицеры, когда пьяные, всегда опасны.

– Не для меня. Этот сорт задир я знаю хорошо. Как получают отпор, сразу по кустам разбегаются.

– Отпор?! – удивился помощник пристава. – Вы приняли вызов, что ли? Не пойму я че-то... Нельзя так с представителями русского оружия!

Похоже, он был на стороне офицеров.

- Отпор был словесный. Им хватило.

- Что же такого вы сказали, что три офицера при саблях разбежались по кустам?

- Объявил, что никакой дуэли не будет, а будет вот что. Я их побью. Сейчас же, всех троих, и жестоко. По-простому, без картелей. А потом отберу сабли и отнесу в канцелярию генерал-губернатора. Пусть ему потом разъясняют, как они видят свою дальнейшую службу.

- И что? - не понял Нарбутт.

- Офицер, не сумевший защитить свою честь и оскорбленный действием, обязан покинуть службу, - пояснил ему подпоручик.

- Но Гурко! Почему вы так уверены, что он встал бы на вашу сторону?

- Я слышал о нем как о человеке крутом, но справедливом, - сказал Алексей. - Имея свидетелями кельнеров, надеялся на благополучный исход дела.

- А если бы оказалось не так? - спросил Гриневецкий.

- Ушел бы со службы. Но считал бы себя правым.

Поляк и жмуд как-то по-особенному посмотрели друг на друга. Но помощник пристава иначе принял рассказ Лыкова. Он вдруг расправил плечи, положил руку на эфес шашки и сказал казенным голосом:

- Так это есть тот самый Сергеев, с которым у вас вышла ссора?

- Тот самый, я узнал его.

- Кто может это подтвердить?

– В ресторане – прислуга, а на улице – дворник дома номер шестьдесят. Блондин, рост – два аршина шесть с четвертью вершков. Без бляхи, с фартуке с прожженным пятном слева внизу. У него должны остаться половинки рубля.

– Какого рубля?

– Я порвал его пополам. Когда объяснял тем нахрапам, как именно стану их мутузить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

П.И.Рачковский – руководитель Зарубежной агентуры Департамента полиции.
(Здесь и далее примеч. авт.)

2

П. Шевырев — руководитель неудачного покушения на Александра Третьего (террористы арестованы 1 марта 1887 года; 8 мая пятеро из них, включая Александра Ульянова, были казнены).

3

Имеется в виду министр внутренних дел граф Д. А. Толстой. Н. К. Гирс — министр иностранных дел.

4

«Кожаный» чай лучших сортов (в отличие от дешевого «кантонского») ввозили в Россию через Кяхту зашитым в кожаные мешки – отсюда и название.

5

История противоборства Благово с Римером описана в книге «Выстрел на Большой Морской».

6

В. К. фон Плеве занимал тогда должность товарища (заместителя) министра внутренних дел.

7

Отдельный корпус жандармов.

8

Прозвище посыльных курьерской службы в Санкт-Петербурге.

9

Эта история описана в книге «Дело Варнавинского маньяка».

10

Учигай — убийца (молд.).

11

Гайменник — убийца, дергач — налетчик (жарг.).

12

Стол приключений — структурное подразделение сысской полиции, отвечающее за регистрацию происшествий.

13

Кавярня – кофейня (польск.).

14

Горячая вода, холодная и слив.

15

Керовник — конторщик, управляющий (польск.).

16

Гожалка — польская водка.

17

Четверть (четверть аршина, или 4 вершка) = 17,8 см.

18

То есть в форме буквы «П».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolay-svechin/varshavskie-tayny-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)